

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Госпожа
сумасбродка*

Фридрих Евсеевич Незнанский

Госпожа Сумасбродка

Серия «Марш Турецкого»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137452
Госпожа Сумасбродка: АСТ, Олимп; Москва; 2000
ISBN 5-7390-1097-7

Аннотация

Сотрудники агентства «Глория» по просьбе адвоката Юрия Гордеева, с которым они часто сотрудничают, расследуют обстоятельства самоубийства офицера Федеральной службы безопасности. Однако вскоре становится ясно, что дело это выходит за рамки частного расследования, и его берет в свои руки Александр Борисович Турецкий. И странное дело, ему почему-то постоянно вставляют палки в колеса именно те службы, которые в наибольшей степени должны быть заинтересованы в установлении истины. Оказывается, предыстория этого преступления уходит в прошлое, когда за инакомыслящими гражданами активно наблюдало «всевидящее око» пресловутого 5-го управления КГБ.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	24
Глава третья	50
Глава четвертая	74
Глава пятая	94
Глава шестая	119
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Фридрих Незнанский

Госпожа Сумасбродка

Глава первая

БАКСЫ В ГОРШКЕ

Вадима Рогожина обнаружили во вторник, ближе к концу дня. И произошло это по чистой случайности. Супруга майора ФСБ Нина Васильевна приехала из Голутвина, где жила на даче, в Москву буквально на несколько часов. Дома у нее особых дел не было — до конца школьных каникул оставалось больше двух недель, — и перебираться в столицу, как она считала, было еще рано, пусть девочка догуляет лето, докупается, наестся до отвала лесной малины со сливками от соседской коровы.

Нина Васильевна забежала в свою квартиру на 13-й Парковой, что рядом с Сиреневым бульваром, за какой-то мелочью, она и сама потом вспомнить не могла за чем. Но торопилась, поскольку время уже шло к вечеру, а дорога на дачу дальняя.

Вторая половина августа в этом году выдалась жаркая, и, уже открывая стальную входную дверь, она сразу почувствовала, что в квартире неладно. Позже, когда приехала опера-

тивно-следственная бригада и пожилой дежурный следователь стал ее спрашивать, что да как, она не могла объяснить, что заставило ее бросить в прихожей тяжелые сумки и ринуться в большую комнату.

— Может, запах? — допытывался следователь.

Нина не понимала, что от нее требуется, и лишь безнадежно пожимала плечами и вздрагивала от острого запаха нашатыря — от смоченной ватки, которую совал ей под нос судебно-медицинский эксперт.

Не могла она припомнить, и каким образом удалось ей вызвать дежурную бригаду. Только при появлении полковника Караваева, начальника Вадима, и Олега Машкова, его сослуживца, этот вопрос, который был безразличен Нине Васильевне, прояснился. Ну да, совершенно растерявшись и не зная, что делать, она, видимо машинально, позвонила Вадиму на работу, а трубку взял Олег. Вот ему она и сказала о том ужасе, который обнаружила дома. Из ее почти бессмысленных выкриков и всхлипов Машков понял лишь, что произошла беда. Ему и в голову не могло прийти, как он объяснял следователю, что дело касалось Вадима, который именно в это время должен был находиться в командировке. Сегодня вторник, а они с Вадимом виделись в пятницу. И тот, кстати, просил Олега, на тот случай, если позвонит Нина, сказать ей, что он вылетел в срочную командировку и, возможно, появится теперь на даче в Голутвине только в следующее воскресенье. Если все сложится нормально. Короче, просил пе-

редать, чтоб не ждали в ближайшие выходные. Но ведь впереди — а улетать на Север он собирался лишь в понедельник — как раз и были эти выходные. Так чего б ему самому не съездить на дачу? Непонятно. Или у него были еще какие-то дела? Или он что-то знал? Или вообще ничего не знал?..

Полковник Караваев, слушая объяснения Олега, молчал и хмурился. Как-то путано все получалось у Машкова. Но полковник не перебивал.

Оставив молодую вдову на попечение судебного медика, они втроем прошли в комнату, где на широкой тахте, обложенный подушками, которые он предварительно принес из спальни, перед тем как совершить роковой выстрел в собственный висок, лежал Вадим Рогожин. Дверь была плотно закрыта.

Они внимательно осматривали место происшествия и сам труп, лежащий на тахте в какой-то странно скорченной, будто от страха, позе. Так обычно прячутся от чего-то нехорошего, опасного. Интуитивно, по-детски. Или по-страусиному: голову спрятал и думает, не видно. И еще черная запекшаяся кровавая корка на правом виске... И «макаров» в упавшей безвольно руке...

Окно было распахнуто настежь, дух здесь, по свидетельству опера из дежурной бригады, стоял тяжелый. Лето ведь, жара, в доме духота, а труп пролежал какое-то время. В общем, несчастную женщину, потерявшую всякое соображение, понять было нетрудно.

Машков и вызвал с Петровки, 38, дежурную оперативно-следственную бригаду, но после того, как доложил о происшествии полковнику. И по его же указанию попросил оперов дожидаться их приезда, а до того никаких обысков в квартире не производить.

Караваев же, осмотревшись на месте, сказал следователю, что, по его мнению, этим делом почти наверняка станет теперь заниматься Управление собственной безопасности ФСБ, после чего и будет принято окончательное решение: копать дальше или выносить постановление о прекращении дела, если докажут, что причина смерти — самоубийство. Но это — потом. Пока же все присутствующие хотели разобраться, понять, что и как произошло.

Да, внешне все указывало на самоубийство. Хотя уж кто-кто, а они-то — и следователь прокуратуры, и офицеры ФСБ — превосходно знали, что симитировать можно все, что угодно. И при этом постараться не оставить после себя никаких следов. Эксперт-криминалист, помогая им, без конца щелкал фотоаппаратом со вспышкой, фиксируя каждое их действие.

Со всей осторожностью бал извлечен из руки Рогожина «макаров» и уложен в пакет для экспертизы.

Сам криминалист еще до приезда фээсбэшников успел исползать на коленях все полы в квартире, опыляя и снимая отпечатки следов ботинок и туфель, отпечатки пальцев на мебели, дверных ручках, на кухне, поражаясь в то же время

почти идеальной чистоте в доме. Нигде никакой пыли. Отсутствие немытой посуды, пустых бутылок, которые обычно указывают на образ жизни мужчины, когда он в квартире остается один. Чисто было, словно специально протерто.

Судмедэксперт наконец получил возможность заняться трупом и вызвал труповозку, чтобы отправить тело на вскрытие в судебно-медицинский морг.

Оперативники и участковый отправились по соседям в поисках возможных свидетелей.

А полковник Караваев, заметив, что Нина Васильевна, кажется, обрела наконец способность соображать, переговорил с ней и, позвонив в свою контору, отправил в Голутвин машину, чтобы там забрали и доставили в Москву девочку, оставшуюся под присмотром соседей. Допрашивать вдову было еще рано, она не могла ни на чем сосредоточиться и связно объяснить, когда в последний раз видела мужа и о чем с ним говорила...

— Ну и что? Какие будут соображения? — спросил вдруг Караваев, когда они с Машковым возвращались на службу. По привычке всех военных начальников Караваев сидел рядом с шофером и говорил с Олегом, не поворачивая к нему головы: подчиненный сам должен ловить каждое слово начальства. — Он ведь где, в Кирове должен был уже давно находиться? А он... Ничего за ним не замечал в последнее время?

— Никак нет.

— А может, он задумываться стал, а? — Караваев резко обернулся к Машкову и требовательно уставился на него. — Бывает ведь, когда человек не в себе... Не наблюдал?

Спросил так жестко, будто был просто уверен, что Машков обязательно наблюдал, но не говорит.

А что, интересно, мог ответить на это Олег? Оправдаться тем, что своих забот полон рот? Что не обращал, да и не собирался обращать на такие пустяки внимание? Но ведь полковник настаивает. Значит, это ему зачем-то нужно?

Олег изобразил напряженный мыслительный процесс и наконец сказал, что, припоминая внешние признаки поведения Рогожина в последнее время, он думает теперь, что, скорее всего, полковник прав. Да, что-то будто тяготило мужика. Или просто так сейчас кажется. Но ведь на службе не принято интересоваться, что там у тебя. Тем более что и проблем у каждого — выше крыши. Да вот хоть и самый близкий пример. И Олег рассказал, как сегодня по пути на службу заехал на случайную автозаправку, торопился, до обычной своей боялся не дотянуть. Так эти засранцы такое ему в бак залили, что машина исчихалась вся, пока он добрался до стоянки. А ведь подобных ситуаций по сотне на дню! Где ж разобраться-то?..

— Это ты прав, — согласился начальник. — А с бабами у него было что-нибудь? Ты не стесняйся, теперь-то уж дело прошлое.

Олег еще подумал, потом тяжело вздохнул и ответил:

— Ну, жену его вы видели, Александр Петрович. От таких вроде не бегают, хотя... А может, она стерва, каких мало?.. А с другой стороны, как говорится, в той же курилке, когда находится минутка перекинуться тем, другим, ну и о бабах, конечно, тоже, как без них? Но он не поддерживал, нет...

Полковник вдруг непонятно почему хохотнул. Но потом сказал, снова не оборачиваясь:

— Ну, раз уж такой записной бабник, как ты, Олег, не замечал, значит, по этой части у него чисто.

— Обижаете, Александр Петрович, — без всякой обиды протянул Олег, — ну какой же я бабник? Так, бывает иной раз, сбегает давление скинуть и — обратно в конуру. Так я ж человек неженатый, мне вроде и не запрещено.

— Да ладно, что ж я, не понимаю? Сам не бегал? Не было баб, говоришь? Ну, значит, и не было. Так и запишем... А дома-то ты у него бывал?

— Да нет, Александр Петрович, не доводилось. Мы же не приятельствовали, так, слово за слово, не больше.

Машков не лукавил. Его отношения с Вадимом не выходили за рамки обычных служебных. А служба, как известно, не рекомендует особую доверительность, хотя и предполагает некоторую корпоративность. Поэтому они не дружили, как принято говорить, домами: Вадим имел семью, а Олег о ней и не задумывался, пользуясь многочисленными возможностями, какие невольно предоставляла его профессия. А возможностей этих в чисто житейском плане было и в са-

мом деле немало.

Начать с того, что сотрудники Управления по контрразведывательному обеспечению кредитно-финансовой сферы, и особенно его оперативного отдела, возглавляемого полковником Караваевым, имели практически свободный доступ на всяческие тусовочные мероприятия, которыми так богата «светская жизнь» нынешней элиты российского общества, как она сама себя именует. Название Департамента экономической безопасности, куда входило и управление, звучало куда как понятно для большого бизнеса — начиная от мелких клерков с дилерами и кончая самими олигархами новейшего отечественного разлива. Могучая служба! А перспективы! Поговаривают даже о превращении ее в самостоятельную Федеральную службу, куда войдут также и соответствующие управления из МВД, Службы внешней разведки, финансовой полиции и так далее. Словом, силища!

На практике же — и касательно конкретной личности Олега Николаевича Машкова — все выглядело примерно так.

Многочисленные подруги, любовницы, спутницы богатеньких «буратин», которым уже давно осточертели тусовки, пьянки, мелкие и крупные разборки, одним словом, все эти герлы с интересом отмечали симпатичного молодого человека со скромными манерами и иронически вспыхивающими глазами, который не лез в центр компании, не участвовал в скандалах, а был спокоен, доброжелателен к окру-

жающим, о которых знал массу любопытных фактов, очень напоминавших досужие сплетни. У одних он вызывал естественное любопытство, у других — не только. Пожалуй, нашлось бы немало состоятельного народа, готового охотно заплатить за некоторые секреты, коими владел этот не бросающийся в глаза молодой человек. Олег же с изрядной долей вполне нормального цинизма, присущего всей нашей жизни, готов был признаться, что тайнами, которые стоят очень дорого, он пока не владеет, значит, рано зарываться. А против «немногого» сперва протестовала совесть — мол, продаваться по мелочовке — последнее дело для мужика. А потом... Курочка ведь тоже по зернышку клюет, да сыта бывает. И главное здесь что? Постоянно держать ушки на макушке — не пересолить, не переперчить, не выдать по ошибке белое за черное, и так далее. Но вместе с тем, делая многозначительный вид и вешая той же вспыхивающей от восторга девице лапшу на ушки ее распрекрасные, можно отлично пользоваться ее благосклонным вниманием. Заводя при этом новые, не менее занимательные знакомства и переходя из рук в руки от одной скучающей красотки к другой. Ну чем не жизнь? И каждый остается при своем, никто никому ничего не должен, все довольны, а кто остался неудовлетворен, тому Бог простит...

Но ни о чем таком, разумеется, Олег своему начальнику не сказал. Незачем. А впрочем, нельзя исключить, что полковник и без него все отлично знает.

Зато без всякой подсказки Олег уже догадался, что Вадим с его достаточно жестким характером, который иногда заметно проявлялся, вряд ли самостоятельно пустил бы себе пулю в башку. И это могло означать лишь одно: его взяли в крутой оборот. То есть должна была иметь место полнейшая безнадега. Но Вадим не казался отчаявшимся. Хмурый — это да, бывал. И семья здесь ни при чем, тоже ясно, иначе Нинка бы не убивалась так.

— А как у него в последнее время было с финансами? — вдруг перебил мысли Олега новый вопрос полковника.

Олег пожал плечами. Разговоров на эту тему у него с Вадимом не было. Так и сказал. Но, подумав, добавил, что если бы, к примеру, тот же Рогожин крупно погорел на чем-нибудь, что-то там задумал, влез в долги, а его прижали и поставили на счетчик, как это сплошь и рядом нынче происходит, опять же в нашем положении имеется масса способов разобратся по-тихому, а кредитор еще и спасибо скажет.

— Ну ты давай, брат, не очень, — недовольно пробурчал полковник. Наверное, не хотел, чтоб подобные соображения высказывались при водителе.

— Да я так... В предположительном плане. Ведь при обыске мы никаких денег у него не нашли. Я имею в виду — больших. А эти — он же командировочные получил! Жалкие копейки. С такими не то что в командировку, в пивную не пойдешь.

— Вот и я тоже думаю... — Но думал начальник явно о

своим и говорить про то не собирался. — Ты вот чего. Ты дачу его знаешь?

— Так откуда ж? Не бывал там.

— Тогда слушай мое указание. Сейчас приедем, возьмешь парочку ребят, криминалиста, ну, короче, все, что нужно, и вали в этот гребаный Голутвин. Я Тимошенко позвоню, чтоб он не торопился с девочкой, вас там дождался. Дача у него своя?

— Во всяком случае, он не говорил, что снимает. Да потом, так далеко и не снимают. Бензину не напасешься. А на электричке...

— Но у него ж нет машины.

— Так точно. Я его сам однажды на Казанский вокзал подвозил.

— В общем, объяснять тебе нечего. Произведешь обыск. И чтоб завтра же у меня были все протоколы, акты экспертиз — все, понятно?

— Медицина не успеет, Александр Петрович.

— А ты поторопи. Нажми... Ох, чую, что уже завтра придется мне идти к Юрию Ивановичу... Неприятное дело.

Юрий Иванович Самойленко был генерал-майором ФСБ и руководил Управлением собственной безопасности. И для тех, кто имел с ним служебные контакты, был человеком малоприятным — въедливым, настырным и напрочь лишенным чувства юмора. Как говорится, в худших традициях.

— Так мне что, прикажете переключаться?

— Кто тебе сказал? Сам надел хомут на шею.

Караваев опять обернулся к Машкову и посмотрел на него так, что Олег понял: нет у него тайн от полковника, на три аршина тот видит под ним.

— Поэтому, — продолжил Караваев, — ноги в руки и действуйте в установленном порядке.

— Слушаюсь, товарищ полковник... Поздновато уже.

— Фонари возьмите.

И непонятно было, пошутил полковник или сказал всерьез.

Добротный деревенский дом-пятистенок, который Рогожин именовал своей дачей, находился не в самом Голутвине, то есть в городе Коломне, а на противоположной стороне Москвы-реки, впадавшей здесь в Оку, на краю поселка Сергиевский. Перелесок, отделявший поселок от реки, тянулся вдоль всего берега — пологого и песчаного. Конечно, раздолье для ребятни. На правом, обрывистом берегу Оки торчали заводские трубы, высился мощный корпус элеватора и поднимал этажи один из крупнейших подмосковных городов с развитой промышленностью, гремящими трамваями и всеми прелестями городской жизни. А здесь, у Рогожина, было по-деревенски уютно и спокойно.

Дом окружал немолодой уже сад, в котором зрели крупные антоновские яблоки, а вдоль длинного, покосившегося кое-где дощатого забора кустилась когда-то, вероятно, куль-

турная малина, давно превратившаяся в плодовитого дичка.

Дом со всеми строениями достался Вадиму в наследство после смерти родителей еще в начале девяностых годов. А теперь он постепенно, как бы сам по себе, приходил в упадок. Хозяином был Вадим, видно, так себе, Нина его, коренная москвичка, — тем более. Ветшали пристройки, в которых когда-то содержались и корова, и поросята, и птица всякая. Чтобы понять это, не требовалось быть специалистом в сельском хозяйстве, достаточно беглого взгляда. А Рогожины, по словам прибежавшей соседки, у которой коротала время восьмилетняя Катенька, мама которой уехала в Москву к папе и обещала привезти гостинцев, умели разве что отдыхать. Соседка была чрезмерно любопытной и словоохотливой. И Олег, понимая, что ситуация довольно сложная, постарался максимально сжато изложить Клавдии Михайловне причину, по которой вот так неожиданно прибыла сюда целая бригада серьезных людей из управления, в котором работал Вадим Арсентьевич, да, уже теперь только работал, так можно сказать, поскольку погиб он — взял на себя такую смелость Олег — при не совсем выясненных в настоящий момент обстоятельствах. Но обсуждать эту тему, особенно с другими соседями, и тем более при ребенке, не стоит — может повредить делу расследования обстоятельств. Олег многозначительно посмотрел на пожилую женщину, и та скорбно поджала губы. Но было заметно по ней, что долго сия тайна не сохранится.

А сама соседка показала приехавшим мужчинам, где находятся ключи да где что лежит и стоит. Она же открыла двери, провела людей в дом, потом в сараюшки, даже в погреб сводила, еще с весны набитый утрамбованным снегом, присыпанным соломой, чтоб медленнее таял. Показала на крынки и банки с молоком, со сметаной. Зачем? Может, свою честность демонстрировала, кто их знает, этих бабок...

Оперативники тем временем постарались в буквальном смысле перетряхнуть весь дом, сохраняя при этом все-таки относительный порядок — свой же человек жил. Но трудно искать то, о чем и не догадываешься. Тем более что достаток — что в московской квартире, что здесь, по сути, в деревне — был так себе, без особых излишеств. Они продолжали шарить, торопились, ибо уже вечерело, а задерживаться здесь до темноты никто не хотел. Вот и девочку еще требовалось доставить к матери.

Словом, пока оперы трудились, Олег расспрашивал Клавдию Михайловну о Вадиме, о его супруге, о родителях Рогожина — чем занимались, как жили. И по всему выходило, что ничего такого, на что следовало бы обратить внимание, не было. Нормальные люди, обычная семья, в которой если кому и повезло, так это Вадиму — у него и служба серьезная, и деньги вроде водились, хотя он не имел собственной машины или каких-то излишков, однако ни в чем себе Рогожины — по деревенским, естественно, понятиям — не отказывали. А что не тянутся к хозяйству, так что ж, это дело

тоже понятное, ихняя жизнь — в Москве, а тут только отдыхают, и правильно.

В таком духе тянулась неспешная речь, и Олег, честно говоря, стал уже уставать от бессмысленности своего занятия. Ну о чем еще говорить, если уже давно все ясно! И всякий раз сам же останавливал себя: все — да не все! Иначе по какой причине оказалась у Вадима пуля в голове?..

Он продолжал расспрашивать: бывали ли здесь гости, известно ли, кто такие, чем занимались — поди сплошные купанья, рыбалка да шашлычки у воды?

И тут соседка вдруг вспомнила, встрепенулась даже. Ну точно, были как-то гости, двое — мужчина и женщина с ним, такая вся симпатичная, веселая, загорелая, и с сумочкой соломенной, плетеной. А Нины как раз дома и не оказалось, она с Катенькой на автобусе в город ездила, на рынок.

— И что же они? — насторожился Олег.

— Кто, Нинка-то? — не поняла Клавдия Михайловна. — А я ей сказала, что вот, мол, навещали тебя... Ну, описала, как они есть. Не, она так и не вспомнила. Говорит: небось к Вадьке.

— Я как раз про этих гостей и хотел уточнить, — вклинился Олег.

— А чего уточнять-то? — удивилась женщина. — Подождали они тут, покрутились, ожидаючи, да и усвистали себе. Им-то чего, — захихикала Клавдия Михайловна, — у них дело горячее. Не, так и не дождались.

— Может, они в дом заходили?

— А чего там делать? Без хозяев-то! Я им своего молочка вынесла. Попили, спасибо сказали. Мужик-то ейный еще покурил, а после все не знал, куда окурочек-то бросить. Так плюнул, значит, смял и в карман себе сунул. Вежливый.

— И долго они были?

— Да сколько? — задумалась Клавдия Михайловна. — Нинка-то на двухчасовой пошла... Туда-сюда, к шести поди и воротилась. Не одна ж, с Катюшкой, шибко не побегаешь. А эти уже, значит... С час посидели. Может, с полчаса, да.

— В дом точно не заходили?

— Так ведь заперто же! Я еще спросила, вижу не чужие, опять же про жену Вадима Арсентьевича интересовались, про Нинку, стало быть... Может, говорю, отпереть вам, в дом зайдете, я, где ключи, знаю. Нет, говорят, спасибо. — Это она, дамочка, значит, говорит... Я ж вижу: вежливые. «Пойдем мы, видать, не дождемся». Ну и ушли вон туда, по дороге.

— Они что же, пешком пришли? Не на машине?

— А вот и не знаю. Может, была, да я не видала. Только фыркнуло и — нету.

— Машина, что ли, фыркнула?

— Может, и машина, — пожала плечами соседка. — Тут мимо много ездют.

— А вы за молоком куда ходили? — небрежно поинтересовался Олег. Он подумал, что соседка вполне могла уго-

стить молодую пару и хозяйским молоком — вон его в погребке пей — не хочу! А оттуда веранда хорошо просматривается.

— Так к себе ж. Чего я Нинку-то грабить стану? У нее дите. А эти попили, значит, в охотку, спасибо сказали и еще десять рублей сунули. В благодарность. Не, я не хотела брать! Это что же, выходит, добрым людям и молочка не попить по жаре-то? А они настояли, бери, говорят, бабушка, все пригодится. Я и Нинке после сказала, а она смеется: «Ну ты, говорит, Михайловна, везде пенку сымешь!» Это я скажу тебе, милоч, из пенок-то сметана бывает вкуснющая, язык проглотишь. Не угостить?

Олег не успел ни поблагодарить, ни отказаться, потому что один из оперативников, закончив дела в доме, переместился теперь на веранду. А ее от комнат отделяла крохотная прихожая, обычный закуток, который делают, чтоб сохранить зимой тепло в доме — метр на полметра, даже и не помещение. Но сбоку, на стене, было несколько полок, на которых стояли цветочные горшки — один в другом, какие-то бутылки и пузырьки, баночки, щетки и прочая мелочь. В одном из обливных горшков торчал высохший стебель неизвестного растения. Вот проходя оперативник дернул за этот стебель, и тот легко вылез из цветочного горшка — вместе с комком ссохшейся в камень земли. Так же мимоходом опер достал горшок с полки и заглянул в него...

— Эва! — чуть погода воскликнул он и ошарашенно по-

смотрел на обернувшегося к нему Олега. — Олег Николаич, ну-ка гляньте сюда!

— Это у них перчик был. Домашний. Ох и злющий! — тут же объяснила всезнающая соседка. — Не уберегли. А я себе, помню, стручок срезала, да семечки посадила. Так теперь у всех соседей есть, а у них, у хозяев, одна хворостина, на память. — И она укоризненно покачала головой, осуждая такую бесхозяйственность.

— Так, — сказал Олег, взглянув на дно горшка. — Ставь сюда и быстро зови эксперта-криминалиста. — И сам же крикнул: — Илья Захарыч, пожалуйста к нам! Клавдия Михайловна, — обернулся он к соседке, — кто у вас тут поблизости не болтун? Ну чтоб помолчал о том, что увидит, а?

— Так... — растерялась она, — моего можно кликнуть.

— Ну кликните, а сами-то не уходите. Вы нам понадобятся как свидетельница. Как понятая, ясно?

— Господи! А чего случилось-то? — перепугалась она.

— Ничего, — отрезал Олег. — Увидите и распишитесь, что видели. А потом забудете. Так надо.

Пришедший эксперт немедленно надел резиновые перчатки, извлек со дна горшка плотную трубочку, перетянутую резинкой, и начал ее медленно разворачивать на глазах у оперативников и понятых. Это были деньги. Обыкновенные стодолларовые американские купюры. Правда, их подлинность должна была еще доказать экспертиза. Но сейчас все было разложено на разостланной на деревянном столе га-

зете и сфотографировано. Сумма оказалась невеликой. Всего-то пять тысяч. Такие суммы, да и побольше, братва в задних карманах спортивных штанов таскает — не для дела, а ради развлечения. Больше разговору, чем дела. Другой вопрос: как здесь эти чертовы баксы могли оказаться? Зачем их было держать в горшке с засохшим перцем?

Клавдия Михайловна, как и ее полуглухой супруг, вряд ли догадывались о стоимости этих денег. Хотя нынче телевизор все смотрят, видели, поди. Но никакого особого удивления не выказали — разве что почему в цветочном горшке.

Купюры были не новыми, походили по рукам, значит, и отпечатков пальцев на них в избытке. Но это тоже дело экспертизы. Хуже, если на них окажутся пальчики Вадима или его супруги. А это уже в Москве станет ясно.

— Прямо Тиль Уленшпигель какой-то... — пробормотал Олег.

— Чего говорите? — спросил обнаруживший купюры оперативник.

— Это, говорю, в «Тиле Уленшпигеле» золотые флорины в цветочном горшке хранили.

— А-а, — кажется, ничего не понял оперативник. Но утвердительно кивнул. И добавил: — Это верно.

— Ну что, заканчиваем, — вздохнул Олег. — Давайте протокол, подписываем и — поехали. Уже и так припозднились. А девочке давно спать пора... Ребенок-то не виноват.

Еще раз уточнив, когда здесь были неизвестные гости,

Олег вычислил, что дело происходило скорее всего в понедельник, когда Вадим уже собирался отбыть в Киров. Но не отбыл. А время его смерти теперь уточняет судебно-медицинская экспертиза.

К сожалению, ничего не получилось и с описанием гостей. Молодые, вежливые — вот и все. Никаких существенных деталей не смогла больше добавить к своей первоначальной характеристике Клавдия Михайловна, которая одна и видела-то их. Портреты не составишь.

И майор ФСБ Олег Николаевич Машков, еще раз предупредив пожилую пару о необходимости хранить полное молчание и о приезде сюда коллег Вадима Рогожина, и о неожиданной находке в цветочном горшке, дал команду трогаться в Москву.

Уже в дороге он подумал, что хитрый лис, его начальник, кажется, все-таки обнаружил кончик ниточки, за которую придется очень осторожно и аккуратно тянуть, и тогда, возможно, клубок начнет понемногу раскручиваться. А куда он покатится, одному Богу известно...

Глава вторая

«ВЕРБОВОЧНАЯ УЯЗВИМОСТЬ»

Первыми, кого увидел Евгений Осетров, выйдя на площадку из здания аэропорта в Домодедове, были девочки в аккуратных белых передничках, с разноцветными бантами в косичках и с букетами гладиолусов в руках. Дружной стайкой, с подпрыгивающими за их спинами яркими ранцами, они перебежали площадку.

«Так ведь сегодня же первое сентября! — запоздало обрадовался Осетров, с улыбкой наблюдая за юными школьницами, начинавшими свою уже взрослую — увы! — трудовую биографию. — Господи, и куда наша жизнь так бежит-торопится?..» И еще он подумал, что, если бы не изображал из себя шибко разборчивую барышню — в смысле жениха, разумеется, возможно, одна вот из таких же соплюшек-щебетуний могла бы оказаться и его дочкой. Однако... что-то все получалось не так. Возраст уже к сорока подбирается, похоже, и мать стала терять всякую надежду увидеть когда-нибудь внучку. Именно внучку, и никого другого. Но матери исполнилось шестьдесят, а она все никак не может стать бабушкой. Оттого и вздохи тяжкие, и взгляды-упреки, и даже старость ранняя. Будто он один в этом виноват...

Прав — виноват... Надоело уже размышлять на эту те-

му, тем более оправдываться. Ну не складывается, так кто ж, действительно, в том виноват?

Мать вторично вышла замуж, когда Жене исполнилось полтора года. Отчим, которого он знал исключительно как родного отца, ибо имени настоящего мать никогда не называла и, более того, требовала и от подрастающего Жени, чтоб он не смел даже вопросов задавать по этому поводу, вкладывал в своего сына — иначе он и не говорил — всю душу. А ведь был он очень занятым человеком — крупным геологом, половину своей жизни проведшим в дальних экспедициях, а другую — за рабочим столом в Институте геологии, петрографии и прочих подземных наук, где с успехом сочетал научную деятельность с преподавательской. Правда, лекции он читал в Московском геологоразведочном институте, когда Женя еще и на свет не появился, а к концу жизни считался признанным ученым и мечтал, что парень пойдет по его стопам. Однако Женя перенял от Сергея Сергеевича лишь одну любовь — к диковинным минералам, распиленным на причудливые агатовые пластины вулканическим бомбам и, разумеется, фантастическим по красоте друзам аметиста и горного хрусталя, коими были заполнены не только полки служебного кабинета членкора Академии наук, но и все комнаты в квартире. На остальное Женина любовь не распространялась. Больше того, после школы и армии Женя без особых размышлений, да, кстати, и усилий, поступил в Высшую школу КГБ. Какие тут гены сыграли роль — и сыг-

рали ли вообще, — он, естественно, не догадывался, а мать молчала. Ничего не сказал ему и отец — Сергей Сергеевич Осетров, чью фамилию и отчество Женя носил с детства.

Но десять лет назад Женя с матерью похоронили добрейшего старика и остались одни. Понятно, почему тосковала Галина Ивановна: семьи нет, сын вечно на службе, некому слова сказать...

Но вот однажды, не так уж и давно, у Евгения вдруг появилась некая, слабая, правда еще, надежда. А произошло все вполне обыденно, даже банально.

Коллега из смежного управления, Вадим Рогожин, с которым у Евгения были постоянные служебные контакты, спросил, какие у него, Жени, планы на вечер. Они в тот день просматривали материалы по одному очень дерьмовому делу, связанному с перекачкой финансовых средств за рубеж. Фирма была громкой — известная сибирская авиакомпания «Норд» взяла в так называемый лизинг десяток американских «Боингов», освободившись от уплаты таможенных пошлин и налогов на ввоз их в Россию. В результате компания несла бешеные убытки, дорогие машины простаивали, а всяческие неустойки выливались в сотни миллионов долларов. Было подозрение, что это не ошибки руководства акционерного общества, а хитро спланированная акция. Дело в конце концов поручили Департаменту экономической безопасности и Следственному управлению ФСБ. В объединенной группе работали и Осетров с Рогожиным.

Засиделись за материалами допоздна, и потому вопрос: какие планы на вечер, прозвучал по меньшей мере странно, уже скоро ночь. Евгений был в курсе, что семья Вадима проживает на даче, где-то под Коломной, сам Женя жил с матерью, нередко появлялся за полночь — значит, оба, по сути, никакими жесткими узами связаны не были.

Шутливый вроде вопрос, а на него такой же небрежно-шутливый ответ: а что, есть деловое предложение? Тяпнуть, что ли, по стопарю, прежде чем разбежаться по койкам?

Вадим предложил обсудить это на воздухе. Ну да, верно, кто ж в служебных кабинетах рассуждает на вольные темы!

Рогожин предложил зайти в небольшое кафе. Там и взяли по стопарику под салат из импортных невкусных помидоров. Шиковать никто не собирался. Вот тогда и рассказал Вадим об одной веселой компании, куда его однажды, примерно год назад, по-приятельски затащил Вадимов сослуживец — Олежка Машков. Точнее, было не совсем так, то есть не прямо в компанию к красивым девушкам, это уже Вадим сам потом затесался по их приглашению. А тогда они с Олегом поехали в «Метелицу», есть такой ночной клуб на Новом Арбате, где у Олега обнаружили знакомые. Вадим, конечно, не мог похвастаться тем, что является завсегдатаем подобных, прямо надо отметить, злых заведений. Но вокруг Олега — а парень он общительный, легкий — быстро образовалась веселая компашка. В общем, понял Женя, Ва-

дим в этой компании скоро почувствовал себя не в своей, как говорится, тарелке. И если бы не одна симпатичная девица — не развязная, нет, а просто милая такая, с добрыми глазами, которая, кажется, тоже чувствовала себя в дымном шуме не очень уютно, Вадим наверняка ушел бы, оставив Олега гужеваться — или тусоваться? — дальше. И вот как-то так получилось, что Вадим разговорился с Таней (она почти не пила, лишь слегка пригубливала шампанское) и у них неожиданно нашлись общие интересы. Она незамужняя, живет одна в большой трехкомнатной квартире неподалеку, на Старом Арбате, занимается компьютерными программами, любит шарить в Интернете. Вадим же и сам был с компьютером, что называется, на «ты». Серьезная девушка, убедился Вадим, а главное — без противной навязчивости богатеньких дур, желающих как-то устроить свою судьбу.

Засиделись в ту ночь допоздна, а потом Вадим проводил Таню до ее дома — оказалось, действительно очень близко. И дом ему понравился — старый, добротный, с коваными перилами на лестнице, с целым набором системных запоров.

Куда посреди ночи торопиться-то? Вот Таня и пригласила его на чашечку кофе, без всяких двусмысленностей. Посидели, поболтали, послушали хорошую музыку. Квартира и в самом деле оказалась огромной и довольно прилично обставленной — старина! Это все Тане досталось от родителей. Отец ее был крупным филологом, академиком и прочее. Неплохо жил. А потом Таня ненавязчиво намекнула, что

завтра у нее загруженный день и хотелось бы вздремнуть перед рассветом. Вадим тут же поднялся, поблагодарил за прекрасный вечер и ушел, провожаемый ее загадочной улыбкой.

Они неделю или больше не виделись, не созванивались, и наконец он сам позвонил ей домой. Она сразу вспомнила его, посетовала, что он ее забыл, пригласила при случае заглянуть на чашечку все того же кофе.

Да, кстати, позже Олег все интересовался, понравилась ли ему Татьяна, с которой он весь вечер глаз не спускал. Вадим сухо и неохотно ответил, что ничего особенного, а он не любитель подобных компаний. На том все и закончилось. Олег больше не настаивал, с собой не приглашал, и вопрос закрылся...

Они взяли еще по стопарю, и Женя отметил, что глаза Вадима словно затуманились — задумался парень, и только полный дурак стал бы интересоваться, о чем его мысли. Точнее — о ком.

— У меня ощущение, — усмехнулся Осетров, — что ты во власти противоречий. По-русски это называется: и хочется, и колется. Не так?

Вадим хмыкнул:

— Неужто так заметно?

Женя неопределенно пожал плечами и спросил:

— Ну и что, в самом деле симпатичная... особа оказалась? А как насчет всяких там комплексов?

— Ты знаешь, именно это и удивило — ну просто ни-

каких, как ты сказал, комплексов. Я, говорит, отношусь ко многим вещам просто. Все мы — живые люди, со своими страстями, странностями, неожиданными желаниями. Бывает, говорит, так, что вот увидел, загорелся, даже втюхался, а тебе в ответ — отвали, парень! Ну и что в результате? Неудовлетворенность, злость, а то и похуже, А если относиться к жизни попроще, почему бы и нет? Кому от этого вред?

— Хорошая философия, — поддержал Женя, чувствуя, как стопарики мягко ложатся на голодный желудок. Днем-то перехватил на ходу, и все.

— Вот и я говорю, — словно обрадовался поддержке Вадим. — Ну, словом, поболтали мы с ней на эту тему, обсудили, так сказать, всевозможные аспекты, связанные с общественной моралью, с собственным внутренним долгом... И тут вдруг она — нет, умная, конечно, девка, ничего не скажешь — заявляет о том, что, мол, если рассуждать по Канту... ну, ты помнишь это известное его выражение по поводу двух непознанных им императивов — звездного неба над головой и морального кодекса внутри себя...

— Ну ты, брат! — восхитился Женя. — С кем рядом сижу?!

— Да брось ты... — даже слегка смутился Вадим. — Это ж она... Короче, говорит, что же остается бедному человеку на этом свете, как не тяга к еще непознанному? Вот так завернула, после чего...

— После чего вы оказались в постели, — подсказал Женя,

широко улыбаясь.

— Знаешь, почему я тебе это рассказал? — после короткой паузы, тоже смеясь, продолжил Вадим. — Мне показалось, что с тобой можно быть откровенным. Что-то тоскливо мне становится в нашей конторе в последнее время...

— Это случается...

Осетров видел, что с Вадимом что-то происходит. Какого рожна, как говорится, его потянуло на откровенность? Такие вещи в конторе не приветствуются, поскольку они всегда чреватые... Так что же? Провокация? Проверка? А может, ни то, ни другое, а просто устал парень, может, дома нелады, вот и поволокло на сторону, и вдруг открылись такие новые горизонты, что захотелось хоть раз в жизни излить душу... А потом всегда ведь можно сослаться на то, что был под газом, шутил там или еще что-то... Нет, заметил Женя, взгляд трезвый и серьезный.

— Ну что я тебе могу сказать, если тебя в самом деле интересует мое мнение? — осторожно начал Осетров. — Возможно, она действительно толковая баба, просто тоже немного неприкаянная. Да и где их взять-то, прикаянных? Но я — человек неженатый, мне, конечно, проще рассуждать.

— Хочешь, познакомлю? — неожиданно спросил Вадим.

— Да ты чего? — опешил Женя. — Зачем же я стану у тебя хорошую бабу отнимать?

— Ты не понял, — улыбнулся Вадим. — Я немного о дру-

гом. Дело в том, что у нее дома частенько собираются ее подруги. Они вместе учились в «Морисе Торезе», в инязе то есть. Образованная публика, работают теперь кто по важным офисам, кто в переводчиках, но главное — все, как одна, незамужние и совсем не тянутся к семейным узам. Амазонки такие, понимаешь? Но с мужиками встретиться вовсе не прочь, но при одном условии. Знаешь каком?

— Ну, интересно. С толстым лопатником, что ли?

— Не угадал. Вернее, совсем не угадал. У них, кстати, лопатники потолще наших с тобой. С умными хотят. Чтоб не просто перепихнуться при желании, а поговорить, поспорить, посмеяться... Вот она мне как-то и говорит: «Нравись ты мне, Вадыка, легко с тобой. А мы, говорит, иной раз соберемся тут, сидим, чай гоняем, да чаще все молчим, потому что давно уже все известное сказано». И еще интересная штука. Я ей напомнил, что мы и познакомились-то на тусовке, так чего ж ей не хватает? Там народ и разнообразный, и весьма своеобразный — на выбор. Она говорит: «Нет, у них все заранее на лбу написано. Иной тебе на ушко вдруг такое ввинтит, что хоть стой, хоть падай — на шее «голда» в палец, а по интеллекту прямо Мамардашвили какой-нибудь новый. А потом приглядишься — эй, братан, так это ж у тебя домашние заготовочки! Вот так. Экспромтики-то наизусть выученные. А туда же, блин!»

— Молодец! — искренне восхитился Женя.

— А я о чем? Вот она мне и говорит как-то, причем без

всякой натуги. Есть, мол, у тебя толковые приятели? Приводи, не стесняйся. Только чтоб раздолбаями не были, этого добра повсюду с избытком. Я и подумал... Кстати, вот как на духу: это все ни к чему не обязывает, абсолютно, просто приятная компания, не больше. А все остальное, как говорится, уже ваше дело, сэр... Подружек я ее видел. Нет слов. Главное — сами не дуры. И совсем не феминистки. Просто однажды решили для себя, чего хотят от жизни, и не отступают от правил.

— А с Олегом ты не говорил на эту тему?

— Нет, не стал, — поморщился Вадим. — Хотел было уже, но потом подумал, что его интересует совсем не то, о чем мы говорим. Он — человек конкретный, опер, так сказать, в самом чистом виде. Он им будет неинтересен.

— А я, значит, интересен? — усмехнулся Осетров.

— Ты — да. Я ж в какой-то степени знаю тебя. Когда бок о бок, по сути, крутишь одно дело, человек открывается. И потом, мозги у тебя незашоренные.

— Ну спасибо. Таковую бы характеристику, да в наше Управление кадров! Прямая дорога в «Лефортово»!

— В охрану, — уточнил Вадим.

— Ну не в камеру же! А что, заинтриговал ты меня. Есть такой элемент...

Вадим бегло взглянул на свои часы.

— В принципе еще не поздно, — с легким сомнением произнес он. — Давай попробуем? Тут у них аппарат должен

быть. — Вадим оглянулся.

— На. — Женя протянул ему свой мобильник.

— О! Еще проще... — Вадим набрал номер, послушал гудки и вдруг просиял. — Привет, я случайно не разбудил?.. А что такое? — Его лицо приняло удивленное выражение. — Да быть того не может! Ей-богу? А мы тут с моим товарищем сидим и размышляем, где бы вечером скоротать, представляешь? Так вы, значит, не против? Ну, спасибо за приглашение, приедем.

Он отключил мобильник, убрал крышку микрофона, отдал Жене. А у Осетрова тут же мелькнула мысль, что не надо будет спрашивать номер телефона, он уже остался в памяти его мобильного.

— Ну что я тебе могу сказать? — развел руками Вадим. — Попадание, что называется, в десятку. У Таньки в гостях две подружки. Я их знаю, видел у нее. Одной, ее Ирина зовут, все наши российские топ-модели и в подметки не годятся. Настоящий суперлюкс! А вторая мадам — человек серьезный, не такой легкомысленный, как Ирка. Она вообще тоже баба люксовая, но в другом плане. Знает пять или шесть языков, работает в основном с крупными банкирами, поскольку сечет в экономике и во всех этих банковских делах. Зовут ее Еленой, но она предпочитает, чтоб Аленой, так, говорит, лучше звучит. Короче, можем взять пару шампаней, поскольку они водяры не употребляют, хотя у Таньки бар забит разнообразным добром, и поехали?

— Цветочков бы, наверное, надо? — заметил Женя.

— Это — по вдохновению. На Арбате есть все. Ну так как, решили? Или у тебя есть встречные предложения?

— Почему? Я с удовольствием. Ты так представил, что просто грех отказываться. Поедем на моей «Ниве».

— А как это? — Вадим щелкнул себя возле кадыка.

— Ноу проблем! Только ты тогда тут посиди, а я один схожу на нашу стоянку и подъеду. — И Женя потянулся за бумажником.

Но Вадим положил ладонь ему на локоть:

— Не надо, это все мелочи, я сам. А вот цветы, это уж ты выбирай. По собственному вкусу. Только учти, она терпеть не может розы, почему — не знаю.

— Бывает, — усмехнулся Женя. — Я, кстати, тоже к ним не очень. У них какой-то нынче жирный... пресыщенный, азербайджанский вид.

Вадим захохотал:

— Если только что придумал, цены тебе нет. Они поймут. А я подтверждаю, что это действительно экспромт...

Все оказалось точно так, как и рассказывал Вадим, — и дом, и двери, и запоры, и старина в больших и светлых комнатах с высоченными потолками. Везде горели хрустальные люстры и бра, мягкие банкетки приглашали отдохнуть, а обстановка напоминала ту, что обожают снимать в кино про дворянское прошлое. Недоставало лишь пышных кринолинов. Однако их с успехом компенсировали не только смело

открытые женские плечи, но и великолепные ноги, которые дерзко подчеркивали вызывающую, броскую красоту этих трех женщин. Естественно, все они были далеко уже не девушки, но и слово «бабы», как это мелькало в разговоре Вадима с Евгением, к ним абсолютно не подходило.

Адаптации как таковой не было. Мужчины вошли словно к себе домой...

Вот так и познакомился Женя Осетров с Аленой Воеводиной. И теперь, подходя к стоянке аэрофлотовского автобуса в сторону Москвы, подумал, что было бы очень неплохо прямо сегодня же увидеться с ней. Она, правда, собиралась куда-то уехать на недельку-другую, но, может, успела вернуться. Ладно, домой к ней звонить еще рано, а на службе — так они договорились — он не должен был ее беспокоить. Значит, до вечера?

Впрочем... Как там рассуждал киношный Штирлиц, заходя в приемную Мюллера? Тоже, кстати, очень киношного.

«— Дружище, спросите вашего шефа: какие будут указания? Он меня сразу примет или можно полчаса поспать?»

— Я узнаю, — ответил Шольц и скрылся за дверью. Он отсутствовал минуты две. — На ваше усмотрение, — сказал он, возвратившись. — Шеф готов принять вас сейчас, а можно перенести разговор на вечер...

— Как вы мне посоветуете, так я и поступлю... Я боюсь, вечером он уйдет к руководству, и я буду ждать его до утра. Логично?

— Логично, — согласился Шольц.

— Значит, сейчас?

Шольц распахнул двери и сказал:

— Пожалуйста, штандартенфюрер...»

Хоть и липа чистой воды, а ведь текст-то полный блеск!

Поскольку народ — не дурак и пустую болтовню растаскивать на поговорки не станет. Так, значит, все-таки сейчас?

И Евгений, устроившись в автобусе, достал свой мобильник. Домашний номер, набранный наудачу, ответил.

— Я слушаю, — раздался мягкий, обволакивающий голос Алены.

— Здравствуйте, барышня. Рад, что вы уже дома.

— А! Господи, и ты вернулся... Звонишь с работы?

— Нет, еще на пути.

— Значит, ничего не знаешь? Или уже в курсе?

— А что я должен знать? — удивился Женя.

— Тогда езжай, — вздохнула Алена. — А потом позвони.

Позже. Но я в любом случае рада тебя слышать...

«Странно, — подумал Осетров, услышав короткие гудки и отключая мобильник. — Очень странно...»

Что-то словно кольнуло в сердце. И это было еще более непонятно, потому что о том, что у человека имеется такая штука, как сердце, он узнает, как правило, от врачей...

Поднявшись к себе, Осетров через секретаршу доложил начальнику о своем прибытии. Та спокойным голосом ска-

зала, что сообщит, у шефа сейчас важный посетитель. Начальник Организационно-аналитического управления генерал Васнецов терпеть не мог, когда прерывали его беседу. Частенько приходилось ждать, и в этом не было ничего неординарного. Да и, как ни вслушивался Евгений в интонации строгой дамы, секретарши шефа, ничего необычного заметить не смог. На всякий случай закинул крючок:

— У нас все нормально? Без чепе?

— Михал Свиридыч введет вас, Евгений Сергеич, в курс дела, — вздохнула секретарша и отключилась.

Значит, все-таки что-то есть... Но откуда Алене знать об этом? Вопрос возник неожиданно и вдруг в буквальном смысле потряс своей невероятностью. И первая мысль — Рогожин может что-то знать. Ну а почему знает Алена? А вот и цепочка: Вадим — Танька — Алена.

Осетров набрал номер Вадима. После нескольких долгих гудков ответил совсем не его голос.

— Майор Машков слушает.

— Здравствуйте, Олег Николаевич, это Осетров. А Рогожина что, нет на месте?

— А вы разве не в курсе? — удивился Машков.

— Я только что вошел в свой кабинет.

— А-а, ну тогда понятно. — Олег помолчал и сказал: — Нету больше Вадима, Евгений Сергеевич. Неделю назад похоронили.

— То есть как? — не понял Осетров.

— Кремировали на Хованском.

— А что же случилось?!

— Тут сложный вопрос. Я, пожалуй, вам не отвечу. А вы вот что, вы у своего начальства поинтересуйтесь. Все материалы, которые были у Рогожина, переданы в ваше управление. Если нет дополнительных вопросов, извините, у меня на трубке другой разговор...

— Вот те на!.. — вслух произнес Евгений и положил свою трубку на место. В голове был полнейший сумбур.

Евгений снова набрал номер секретарши начальника:

— Полина Георгиевна, заранее извините, как сегодня складывается день у шефа? Он примет меня?

— А, Евгений Сергеевич? Я как раз собиралась звонить вам. Я доложила генералу о вашем прибытии. Он назначил вам на завтра, на девять утра. Пожалуйста, со всеми материалами по «Норду». А сегодня он, к сожалению, не сможет с вами поговорить, потому что уезжает. Так что располагайте своим временем.

— Благодарю, я прямо, как говорится, с корабля. Если что-то экстренное, мой мобильный включен.

«Так, — подумал он, — что будем делать в первую очередь?»

Он достал из сейфа свой телефонный справочник, нашел номер домашнего телефона Рогожина и стал звонить. Услышал усталый женский голос:

— Вас слушают.

— Извините, это подполковник Осетров. Я только что прибыл и не знал ничего о Вадиме... Вадиме Арсентьевиче. Могу ли я поговорить с его...

— Не стесняйтесь, вдовой, да? Это я. Меня зовут Нина Васильевна. Чем могу служить?

— Я не мог бы сегодня встретиться с вами, Нина Васильевна? Ну, скажем, где-нибудь в конце дня?

— Для чего?

— Я постараюсь объяснить при встрече, если позволите.

— Адрес знаете?

— Да.

— Приезжайте, — женщина продолжительно вздохнула, — к девяти. Устроит?

— Вполне. А меня зовут Евгений Сергеевич. Может, слышали?

— Уж и не помню, — сухо ответила вдова и положила трубку.

Он опять задумался. Откуда, из каких источников могла знать Алена о смерти Вадима? Ну, скажем, от Татьяны. А та? Что, жена сообщила любовнице? Не может быть. Таня на работу Вадиму звонила? А он что, сумасшедший — давать ей свой служебный телефон? Нет, совсем не то... И вдруг сообразил: а в чем дело? Надо просто позвонить Татьяне и подыхать. Какие сложности? Главное, чтоб была дома.

Она оказалась дома и, как послышалось Евгению, даже вроде бы обрадовалась его звонку. Заторопилась, прямо сей-

час же приглашая его к себе. И выглядело это так, будто она с нетерпением ждала его возвращения. Опять же — почему? Ну, вероятно, Алена сказала ей, что он убыл в длительную командировку. Вот так теперь все и выстраивалось...

Странно, по Тане не было заметно, чтобы она очень уж сильно переживала смерть Вадима. В конце концов, кто он ей? Приятный знакомый, с которым ей было интересно. Знакомый, который, кстати, тоже частенько исчезал по долгу своей службы. Так что все их любовно-дружеские свидания свелись, может быть, к нескольким десяткам встреч, не более.

Таня была, как всегда, в форме. То есть в таком наряде, в котором и дома себя чувствуешь не очень стесненной, и при необходимости можно выйти в город, не переодеваясь специально. Короткая черная юбка, туго обтягивающая ее полноватые бедра, и темная шелковая кофточка, прикрывающая только высокую, вызывающе торчащую грудь, у нее есть какое-то мудреное название, Женя слышал, но забыл. Что-то вроде дамского лифчика, но немного больше размером.

Евгения всегда несколько смущала Танина манера здороваться. Она выпрямляла спину, приближалась и всем телом прикасалась к входящему — от колен до груди. Прижималась и лукаво поднимала горбоносенькое свое лицо с чуть раскосыми глазами и маленькими пухлыми, ярко накрашенными губами. Затем обычно следовал легкий, почти скользкий, ритуальный поцелуй. Здравсьте! Как мы по вас соску-

чилишь! Слишком получалось интимно — и грудь, прижимаясь, подрагивала, и живот словно призывал не стесняться.

Так и теперь, будто соблюдая свой ритуал, Татьяна прильнула к нему, обхватила за спину руками и как бы слегка обвисла.

— Проходи... — И, захлопнув дверь, она пошла в комнату.

И там, среди банкетов, повторилось то же самое. Только на этот раз Таня закинула обнаженные загорелые руки ему на плечи. Прижала лицо к его груди и вздрогнула, будто всхлипнула от горя. Но когда подняла лицо, глаза ее были сухи и абсолютно спокойны.

— Ты уже знаешь... — прошептала она, не отпуская его от себя и прижимаясь с еще большей страстью.

Он взял ее под мышки и попытался немного отстранить, но не тут-то было. Прилипла девушка и, видно, не собиралась отлепляться.

— Что произошло? — спросил он, глядя ей в глаза.

— А! — Она капризно мотнула головой с тяжелым «конским» хвостом, закрепленным на затылке большим гребнем. — Что теперь говорить?.. Уверяют, он сам... Это просто ужасно. Я такое пережила! А ты? Ты — как?

— Повторяю, сегодня только вернулся, ничего не знал. И никто толком объяснить не может.

Он стал ласково гладить ее по спине.

— Устал?.. Соскучился? — Она, видать, по-своему поня-

ла его жест. И вдруг призывно вскинула голову: — Какие мы все дикари, Господи! Ну иди же, скорее! Иди!

А дальше — туман и какие-то нелепые, быстрые слова и отчаянно-суетливые движения рук...

Она перешагнула одной ногой банкетку и, опрокидывая на себя Женю, опустилась на нее, воскликнула:

— Мне так неудобно перед ним! Но что я могу с собой поделаться, если ты мне нравишься?.. Давай же, прошу!..

«Дурацкое дело нехитрое...» — почему-то мелькнула мысль и тут же растворилась в активных действиях Татьяны. Он и сообразить не успел, как оказался уже без брюк. А старинная банкетка, с обтянутым золотистой парчой сиденьем и изголовьем в виде двух сплетенных лебединых шей, отчаянно закрипела, угрожая развалиться...

— Алене я ничего не скажу, — прошептала она ему наконец в самое ухо. — Зачем? Верно? Ах ты, моя прелесть... Я тоже соскучилась, все ожидала, что позвонишь... Так противно все было!

На кухне что-то упало, словно разбилась тарелка.

Евгений вскинул голову. Но Таня снова прижала его лицо к себе.

— Не обращай внимания... Ох!.. Это Ирка опять тарелки колотит. Немного не в себе девушка, поддала больше, чем следовало. Ничего.

«Это номер!» — насторожился Евгений. Ну да, сейчас только свидетелей и не хватало. И вообще, будет полный

комплект, если где-нибудь в шкафу окажется еще и Алена! Но Татьяна, не переживая и не смущаясь, продолжала такие активные действия, что Женя отдался полностью ее воле и действительно страстному желанию...

А когда все закончилось, она еще полежала немного, будто распяленная, на парчовой банкетке, а потом глубоко вздохнула и двумя движениями привела себя в порядок. Посмотрела на Женю, усмехнулась своим мыслям и сказала:

— Хочешь знать, откуда мне стало известно? Никакой тайны. Мы с Вадькой договорились встретиться вечером, а он даже не позвонил, не предупредил, что не придет. День, другой, мне надоело ждать, у меня ведь тоже имеются кое-какие свои планы... Ну, словом, нашлись старые знакомые, отыскали его домашний — у меня не было — и позвонили. А там слезы. Что-то объяснили. И чего он вдруг застрелился? Не понимаю...

Из кухни, пошатываясь, появилась Ирина. Она была под заметным газом. Увидела Евгения, изумленно расширила глаза.

— Мать моя! Кого я вижу? Какие люди в Голливуде?.. — Повернулась всем телом к отдыхающей на банкетке Татьяне: — А чего не сказала, что у нас гости? Ёлы-палы, я б хоть душ приняла! — и снова к Жене: — Извините, молодой и красивый джентльмен! Я в загуле. Не желаете компанию составить? Нет? Жаль...

Она разговаривала сама с собой, и ответы ей не требова-

лись.

— Иди отдохни, Ирка, — недовольно заметила Таня.

— От чего, подружка? Вот если б от кого — тогда другое дело. Молодой человек, повторяю предложение: не желаете разделить, а?

— Ирка, не хулигань! — еще строже сказала Таня.

— Жаль... — Ирина безвольно развела руками. — А так хочется... — Но уже переступив порог соседней комнаты, повернула голову и чересчур внимательно уставилась на Евгения. Потом неточным движением прижала свой указательный палец к губам: — Никому ни слова! А когда устанете, можете навестить, я возражать не буду. Танька! Скорая Помощь всегда на месте! — Она неуверенно отдала честь и закрыла за собой дверь.

— Это что значит? — смеясь, спросил Евгений.

— Скорая Помощь? А это мы так еще с института Ирку между собой прозвали. Дело-то молодое было. Мальчишечки симпатичные окружали. Ну а кому совсем уж невтерпеж, мы его к Ирке. Она — девка талантливая, быстро управляется.

— А чего, фигура у нее отличная, — похвалил Женя.

— А вот это она как раз и не очень. Ее конек — оральный. Нет равных. Если сомневаешься, можешь сходить, я не ревнивая.

— Танечка, дорогая моя, я все могу понять, мы же взрослые люди, но зачем так-то уж? Я никогда и в мыслях не дер-

жал твой дом за бордель.

— А разве у тебя был повод? — удивилась она. Причем, как ему показалось, искренно. — У меня тоже в мыслях не было как-то пошатнуть твою нравственность. Извини, если невольно вызвала такие подозрения. Тем более что ты и в самом деле доставил мне огромное удовольствие. И Алену я тоже не хотела бы унижить. Если у вас возникли какие-то добрые чувства друг к другу, как она мне однажды сказала, я не собираюсь их разрушать. Но просто я — живой человек, который сам о себе привык заботиться, сам за себя отвечать и делать в конце концов именно то, что мне нравится. И хочется... А Ирка? Она прекрасная девка, у которой и свои замечательные достоинства, и, может быть, отдельные недостатки. И она живой человек. Но не трепло, не предательница. Как, впрочем, и Алена, — она многозначительно посмотрела на него. — Так что, если у тебя когда-нибудь вдруг возникнет такое желание, ты можешь употребить нас всех троих. Но лучше порознь. Хотя, я думаю, неплохо получилось бы и вместе. Ну, скажи, как тебе мой подход?

— Очень приятный, — засмеялся Женя. — Но главное — доходчивый. У меня такое впервые.

— Вот видишь, а ты сразу бог весть что подумал! Так ведь и обидеть можно, друг мой.

— Ну извини. Действительно, глупо сказал... Но как же все-таки с Вадимом-то получилось? Ничего больше не знаешь?

Татьяна пожала плечами.

— Он последнее время хмурился частенько. Я полагала, что на работе нелады. Но он отмалчивался. Мы ж с ним почти год... Думала, жена. Тоже, выходит, нет. Он вообще-то чем занимается? Занимался...

Странный вопрос. И как бы между делом, вскользь. Или Вадим в течение всего года ухитрился там и не раскрыться, или тут какой-то подвох. Евгений насторожился. Если она смогла найти Вадимов телефон, что ж теперь дурочку-то валять? Знает ведь. И наверняка.

— Чем, говоришь? Да есть тут одна контора, — ответил неохотно.

— Глубокого бурения? — усмехнулась Таня. — Так, кажется, она раньше называлась?

— Нет, не из этой области. Но... некоторые, я бы сказал, отдаленные связи имеются. Чисто формальные. Мы не пересекаемся.

— Да? — Она легко спрятала усмешку. — А я думала... Ну и ладно. Какая, в сущности, разница, верно? Или только кажется?

Теперь и Евгений так же неопределенно пожал плечами.

— Я сегодня, как прибыл, с Аленой созвонился. Она тоже не в себе, просила попозже вечером позвонить.

— Ну понятное дело. Она, наверное, тоже хочет знать причину. А кому же, как не тебе, и знать-то ее? Вы же сослуживцы. Так и Вадька говорил... Да ладно, милый, не тем-

ни, — вдруг безнадежно махнула Татьяна рукой, — ты что, в самом деле думаешь, что нам не известно, где вы служите и чем занимаетесь? Чудак. Да у той же Алены такие связи, что она кого хошь из-под земли высчитает и достанет. Просто вы, мужики, нам понравились тогда. Не дураки, дело свое мужское знаете. Ты что думаешь, я тебя у Алены отбить, что ли, собираюсь? Это просто моя мелкая бабья блажь, чтоб она не хвасталась: вот, мол, какого славного мужичка оторвала! Понял? Ну и что теперь скажешь? Кто из нас лучше? Только по-честному, я ж ей все равно ничего не скажу. А? Или, может, ты не успел распробовать? Так это дело мы сейчас поправим. — Она с готовностью приподнялась. — Не хочешь? А-а, я, кажется, поняла. — Она снова плюхнулась на банкетку, но колени призывно раздвинула. — У тебя уже Ирка на уме. Я не возражаю, ступай. Правда, ей в настоящий момент все до фени, но ты попробуй, некоторым нравится, когда девка в отключке.

Он никак не мог сообразить: в ней играет неприкрытый цинизм или она провоцирует его? Но с какой целью?

— Ирка тоже в этом смысле — кремень, можешь не сомневаться. У нас закон — чужих не забирать, если они сами того не захотят. Но ведь ты же захотел, верно? Я сразу почувствовала, едва вошел. Ну, сам смотри-и... — Она потянулась, раскинув руки и откинув голову. Глаза ее закрылись, будто в ожидании.

— Я, пожалуй, поеду, — сказал он неожиданно.

— Давай, — просто согласилась Татьяна. — Действительно, это дело от тебя никуда не уйдет. Звони, заезжай, всегда буду рада тебя видеть. А дверь просто захлопни. Привет Алене, вы ж наверняка сегодня увидите. И запомни, Женька, ты отлично меня достал, молодец.

Она все это произнесла, не открывая глаз, а после устроилась поудобнее, вытянув свои превосходные обнаженные ноги.

«Вербовочная уязвимость — вот как это называется, — подумал он о себе, спускаясь по лестнице. — Причем повышенная...»

Есть такой профессиональный термин. Вадим ведь целый год провел в их компании. Но никому из своих ничего не говорил. Если б не тот случай, когда у него было скверное настроение и он вдруг открылся, возможно, позже пожалев об этом... И еще одна фраза настораживала: «У Алены такие связи...» Не тут ли первопричина?

Все это требовалось срочно и всерьез обдумать.

И тут он вспомнил...

Глава третья

ЧЕРНАЯ ПАПКА

Нине не хотелось ни с кем встречаться. Она устала от бесконечных вопросов-расспросов: что говорил муж в последние дни перед самоубийством, с кем он мог встречаться во внеслужебное время, кто звонил накануне или уже после его смерти, кто интересовался его служебными делами и так далее, и тому подобное. Устала! Надоело все. Руководство, присутствующее в крематории на Хованском кладбище, было с ней сдержанно и сухо-формально. Оно и понятно: самоубийство никак не красит человека вообще, а майора ФСБ — тем более. Значит, нашлись у него веские причины уйти из жизни. Лучше бы, конечно, чтоб виновны были в том семейные неурядицы, и гораздо хуже, если поводом послужило что-то связанное со службой. Но Вадим был достаточно скрытным человеком и ни в какие свои служебные тайны, тем более неприятности, жену не посвящал. А поскольку она ничего путного для расследования обстоятельств гибели мужа сообщить не могла, к ней и всяческий интерес пропал. И когда она просто заикнулась о том, что теперь не знает, на что жить, встретила такие холодные взгляды бывшего теперь уже Вадимова начальства, что вмиг пропала всякая охота говорить на эту тему. Вот разве что один Олег, с ко-

торым муж работал, что называется, рука об руку, проявил человеческое участие. По его словам, бегал по начальству, занимаясь организацией похорон, обещал посодействовать, чтоб ребенок не остался без средств к существованию. Тут, мол, тоже масса сложностей, о которых бедная вдова даже не подозревала. Он начал было объяснять ей всякие уголовно-процессуальные дела, но она не дослушала, потому что голова ее была занята совсем другим. А впереди предстояли еще поминки, которые тоже он организовал, и все это казалось ей чем-то нереальным, далеким от всех забот, какие ей предстояли. Да, понятно, спасибо за поддержку, но давайте, если можно, поговорим позже, когда горе уляжется...

Потом несколько человек с работы Вадима приехали на девятины, посидели за рюмкой, поговорили в основном о своих же делах, оставили в конверте деньги, которые собрали среди сослуживцев, еще раз помянули и тихо разошлись.

И вот потянулись тягостные дни. Никто не звонил, не интересовался, что у нее и как, а из разговоров на поминках она поняла, что по факту самоубийства Вадима расследование будет скорее всего прекращено, ибо оснований для применения статьи 110 Уголовного кодекса нет. Никто не угрожал Вадиму, не доводил до самоубийства, выходит, нет и преступления.

И тут появилось новое лицо — Евгений Сергеевич Осетров.

Нина действительно не помнила такого человека. Нет, мо-

жет, он и присутствовал на похоронах — много все-таки собралось народа. Но этот человек утверждает, что ничего не знал, значит, получалось, не был. И теперь хотел зачем-то встретиться. А вдруг, подумала она, этот Осетров хоть что-то знает, и согласилась поговорить с ним...

А Евгений мчался к себе домой.

Ну как же он мог забыть-то! Как раз незадолго до командировки они с Вадимом обсуждали новую проблему, неожиданно возникшую в деле «Норда». Но касалась она не самой авиакомпания, а ее незримого, так сказать, хозяина — господина Деревницкого, интересы которого вдруг обнаружились на предприятиях лесной промышленности Вятской губернии, в которой вскоре должны были состояться губернаторские выборы. И многие средства массовой информации, принадлежавшие холдингу господина Деревницкого, уже активно включились в разворачивающуюся битву с применением всех самых отъявленных форм черного пиара. Сражаться было за что, и Деревницкий дал команду не стесняться.

А там и не стеснялись. Вплоть до того, что кандидатуру, выдвигаемую олигархом, по некоторым сведениям, стали все активнее поддерживать сотрудники местного УФСБ. Запахло такой коррупцией, что руководство ФСБ поручило Департаменту экономической безопасности, его аналитикам и оперативникам, провести по ряду фактов оперативную проверку. С этим заданием, собственно, и должен был отбыть туда

Вадим Рогожин.

И случилось так, что в тот вечер они снова засиделись вдвоем, а когда, усталые, покинули наконец здание, как-то не стовариваясь, но дружно пошли в сторону все того же черного кафе.

Заказали, помимо всякой травы, по хорошему бифштексу с кровью и по сто пятьдесят коньяку. Дороговато, конечно, но Вадим заметил проходя, что он при деньгах. Женя не любил застольной зависимости и потому счет разделили поровну — по-немецки.

Как водится, перекинулись своими соображениями о женщинах, в смысле о Татьяне с Аленой, о том, что встречи в последнее время стали редкими. Женя тоже посетовал, что придется убыть на целых полмесяца. Вадим в тот вечер почему-то больше интересовался, как у Жени складывается с Аленой. Да как? А никак, от случая к случаю. Друг другу не в тягость, и это, пожалуй, самое главное. Алена Осетрову вообще казалась более серьезной женщиной, чем та же Татьяна, не говоря уже об Ирке — заводной, всегда веселой, даже иной раз безрассудной. Вот уж кто действительно живет в свое удовольствие! А Таня — что говорить, суперсексуальная особа! Вадим, смеясь, кивал; уж он-то знал, но, пользуясь любой паузой, снова возвращался к Алене, словно именно она и была предметом его постоянных размышлений.

Женя уж подумал: может, ревнует? Или сожалеет, что в свое время уступил эту чуточку холодную, словно себе на

уме, красотку? А что, всякое бывает. И потом, Женя не мог утверждать с полной уверенностью, что так уж сильно привязался к Алене. Нет, он с удовольствием встречался с нею, она очень даже достойно вела себя в постели, в ее уютной двухкомнатной квартирке на Филях Женя всегда чувствовал себя прекрасно, раскованно. Но, пожалуй, самое главное — они не успевали надоедать друг другу: то он был занят или улетал в очередную командировку на день-другой, то у нее находились неотложные дела. Так что за достаточно, кстати, недолгое время знакомства все у них складывалось, по расхожему выражению, тип-топ.

Заметив в какой-то момент, что у Вадима, похоже, портится по какой-то причине настроение, Женя ушел от темы и предложил два варианта: либо заказать еще по стопарю, либо разбежаться.

Решили в высшей степени грамотно: дернуть и — разбежаться.

Но когда покидали кафе, Вадим, державший под мышкой черную папку на «молнии», немного помявшись, попросил Женю о небольшом одолжении. Он хотел, чтобы на время его командировки вот эта папочка с кое-какими документами, которые он не хотел оставлять на службе, полежала у Жени дома. Это буквально на несколько дней. Но у Жени дом не пустует, там всегда мать находится, а вот Вадим на свое жилье рассчитывать не может. Еще залезет какой-нибудь хмырь, нынче ведь квартирные кражи стали обычным

явлением. А материалы — нет, совсем не секретные, они скорее личного характера, вот поэтому он и не хотел бы оставлять их в свое отсутствие на службе.

Какой разговор? Женя взял папку и, открыв дверцу своей «Нивы», кинул ее на сиденье рядом с водительским.

Вадим проследил взглядом за этим жестом — Жене показалось, что он хотел что-то добавить, но промолчал и протянул руку, прощаясь. Он шел к метро, значит, в противоположную сторону. И не попросил товарища подвезти его. Да тут и ходьбы-то минуты три, не больше.

На том и расстались тогда.

Приехав домой, Осетров, не засовывая нос, разумеется, в чужую папку, просто сунул ее в ящик письменного стола, за которым когда-то работал Сергей Сергеевич, а теперь и сам Женя, и забыл о ней. Потому что на следующий день улетал в Сибирь.

И вот вернулся... И новостей — хоть отбавляй! Мало того, что Вадим учинил этакое, так еще и Танькины чары, будь она неладна... Как-то все пошло наперекосяк. И теперь, вспомнив о черной папке, Евгений вдруг подумал, что именно в ней может найтись объяснение и непонятному самоубийству, и необычно вызывающему поведению Татьяны, которая наверняка знает много больше, но предпочитает помалкивать, и, возможно, непонятному интересу Вадима к Алене, проявленному в их последний вечер.

Папка лежала там, куда он ее бросил, — в нижнем ящике

письменного стола. Углы ее были перетянуты черными резинками. Неясно, зачем они, если уже и так есть «молния». Черт знает что придумывают.

Невзирая на безмолвные призывы матери, обрадованной появлением сына и уже хлопотавшей на кухне, накрывая обед, Евгений заявил, что ему недосуг, он уедет на час-другой, а вот когда вернется, тут уж наконец и поужинает. Но мать не отставала со своими заботами, и он сдался — на один лишь бутерброд с колбасой и стакан минералки.

Пока она готовила, он внимательно оглядел папку, потом снял резинки, расстегнул «молнию» и разложил папку, словно книгу. Внутри лежал газетный сверток. Ну как если бы три-четыре общие тетради обернули газетой, не толще. И тоже перетянут двумя резинками — крест-накрест. И под ними — сложенный белый бумажный листок, скорее всего, записка.

А тут и Галина Ивановна появилась с бутербродом на тарелке и стаканом минеральной воды.

— Ну поел бы как человек! — взмолилась она.

— Потом, ма... — Он засунул бутерброд целиком в рот и отмахнулся обеими руками. — Э-э-ха-ха!

Это он сказал: мне некогда. Мать лишь всплеснула руками и жалостно уставилась на него. Но Женя жестом показал ей, чтоб уходила, не мешала. Дело же вот, перед ним, — он ткнул пальцем в раскрытую папку. И когда мать вышла, он, не прикасаясь к свертку, внимательно оглядел его еще раз

и за кончик двумя пальцами вытащил записку. Аккуратно развернул ее, словно боясь оставить отпечатки своих пальцев. Действительно записка.

«Женя, ты меня прости, пожалуйста, но у меня просто нет иного выхода. Я хотел тебе сказать, но... Словом, постарайся меня понять, хотя, боюсь, это будет тебе нелегко.

Здесь, в свертке, пятьдесят тысяч. Это все, что я смогу сделать для своей семьи. А в общем, я увяз. Если ты и сам еще не сообразил, то прими мой последний совет: пошли их к черту. Ты догадываешься, о ком я. Записку эту ты уничтожь, чтоб и духу ее не осталось. А сверток постарайся отдать моей Нинке, но чтоб она и рта не открывала, иначе всем будет очень плохо. Еще хуже, чем мне сейчас, когда я пишу тебе.

И еще. На даче в цветочном горшке есть моя записка — от лучших времен. Пусть найдет. Она у меня баба умная и сумеет распорядиться тем, что осталось от всей моей жизни. Если уже не нашли.

Прости за последнюю просьбу. Мне больше некого просить.

Если ты читаешь эти строчки, значит, вопрос со мной уже решился. Еще раз прости, друг.

Вадим».

Евгений тупо глядел на записку, веря и не веря написан-

ному. Казалось, что это какой-то бред. Но вот они, слова-то! Написаны! И почерк Вадима, его рука. Правда, написано ровно, без торопливости, словно заранее все обдуманно.

Но почему именно его, Женю, выбрал Вадим своим душеприказчиком, так, что ли? Они же не настолько были дружны, чтобы доверять друг другу такие сокровенные и опасные вещи. Однако, припоминая события последних недель, работу, компанию эту дамскую, да хоть и то, что так спонтанно произошло сегодня в доме у Татьяны, ее решительный натиск и собственную, какую-то прямо телячью, радостную покорность, Евгений вдруг понял, что за всеми этими делами, безобидными разве что на первый взгляд, может стоять чья-то жесткая воля. Первой жертвой которой оказался Вадим. Он успел это понять раньше, за что и поплатился. А кто следующий? Евгений Осетров? А что, теперь нельзя исключить. Тем более что сами пошли на бойню.

Но ведь, говорят, в таких ситуациях обычно действует козел-провокактор, который идет впереди стада, отправляемого на заклание. А как же в данном случае?

И вспомнил, что с этой компанией, во всяком случае, с Татьяной, это уж точно, Вадима познакомил Олег Машков, который потом интересовался у Вадима, что да как.

Надо будет обязательно с ним встретиться, поглядеть, чем этот майор дышит. Ничего теперь нельзя исключать...

А память снова и снова возвращала его к сегодняшним событиям, и сексуальные игры на банкетке у Татьяны все ме-

нее казались Евгению безобидными и привлекательными. В самом деле, все произошло так стремительно и ловко, будто было просчитано заранее. Вплоть до появления с кухни нетрезвой Ирки. И следом — новый набор разнообразных удовольствий. Спланировано, не иначе. Ну хорошо, пусть так, однако чем это приключение может грозить лично ему, Евгению? Да ничем! Он — человек холостой, свободный от обязательств перед кем-либо, и отчитываться по поводу собственной нравственности ни перед кем не должен. Хорошо, это он, а Вадим? А вот тут, если смотреть факту в глаза, то есть, к примеру, видеозаписи, результат самый банальный — разрушение семьи. А там, где вопрос может быть поставлен в подобной плоскости, возникает удобренное поле для шантажа. Так что же, Вадим стал его жертвой?

Заначка — хрен с ней, это все копейки. А вот что за деньги покоятся здесь? Откуда они? А главное — за что, за какие Вадимовы подвиги? Значит, они были...

Женя взял нож для разрезания книг — старинный, отцовский, и аккуратно поддел угол свертка. Чуть взрезал, отогнул уголок.

Выглянул край зеленой долларовой купюры. Что там Вадим пишет? А пишет он, что здесь лежат пятьдесят тысяч. И, как теперь видно, не наши, деревянненькие, а самая настоящая капуста. Пятьдесят кусков в баксах! Цена хорошего, если смотреть правде в глаза, предательства...

Вот и думай теперь, Женечка!

Впрочем, что думать? Вадима нет. А семья его имеет место быть. Маленькая дочка, во второй класс сегодня пошла. Это вспомнил Евгений и снова увидел, будто воочию, стайку малышей с бантами, перебегавшую площадь в Домодедове. Есть еще вдова, которую зовут Нина. А больше у них, оставшихся сиротами — теперь уже неважно, по какой причине, — нет на белом свете никого. Так однажды Вадим и сказал...

«Ну и что ты будешь делать, Евгений Сергеевич? — мысленно спросил себя Осетров. — Пойдешь к руководству департамента? Отнесешь пакет и записку? Да, это было бы честно. Но зачем теперь эта честность, если она никому, ни единому человеку, не принесет добра? Начальству? Прекрасно! Есть повод разоблачить! Тем сукам, которые подставили Вадьку? Их еще ждет свое. Все зачтется. Семье Вадима? Надо понимать: семье предателя...»

Евгений вздохнул, сунул записку в карман, а папку закрыл на «молнию», после чего натянул на углы совершенно ненужные резинки. Пусть все будет как было. А записка все-таки предназначалась лично ему и посторонним не должна быть интересна...

Однако как он все предусмотрел! А может, он уже все знал и просто продолжал плыть по течению? И никаким самоубийством — в прямом смысле — здесь и не пахнет? Хлопнули парня, разыграв суицид на почве душевной неполноценности, — вот и все дела. А сымитировать по нынешним

временам можно все, что угодно. Но что же он — как тот телок?! Неужто не мог найти выхода? Значит, не мог. Да и последняя просьба его тогда, при расставании, прозвучала как-то робко. Это лишь сейчас хорошо понял Евгений. Боялся и надеялся. Ну и как же можно подвести его?..

Евгений забрал папку, сказал матери, что отбывает по важному делу, а если кто позвонит — она ничего не знает, и вышел из дома.

Нина Васильевна смотрела на него отчужденно, однако во взгляде ее ему почудилось ожидание. Он коротко представился. Сказал, что с Вадимом они служат в одном Департаменте, ну да... служили, если говорить точнее, правда, в разных управлениях, но занимались одними делами. До последнего дня. А потом он повторил, что вернулся сегодня после длительной командировки, узнал случайно, но, поскольку ни с кем из начальства встретиться не успел, в курсе разве что самого факта. Необъяснимого для него.

Нет, они не были близкими друзьями, но в последнее время как-то так сложилось, что работали бок о бок, говорили не только о служебных делах. Вадим часто про дочку рассказывал, про дачу свою, что под Коломной. Он и в гости приглашал, говорил, что там купание отличное, рыбалка и прочее. Случилось так, что как раз накануне своего отлета в Сибирь Евгению удалось освободить половину воскресенья и вместе со знакомой съездить на Оку. То, что там Вадима

не будет уже, он знал, тот сам говорил. Но надеялся познакомиться с Ниной. И ее тоже не оказалось. Соседка вот напоила молочком, так и уехали.

— А-а, так, значит, это вы, Евгений Сергеевич, были у нас, — устало заметила женщина. — А тут такое нагородили! Какие-то доллары обнаружили на даче. Там обыск был. А я об этом — ни сном ни духом. В чем-то теперь Вадима подозревают...

— Вон как! — покачал головой Евгений. — А я-то ведь ничего не знаю. Ладно, обязательно поговорю с его начальством. А кто был у вас на даче?

— Олег Николаевич. Машков его фамилия. Вы его знаете?

— Знаком. Но не больше. А у вас здесь тоже производили обыск?

— Конечно, — вздохнула Нина Васильевна, вероятно, уже теряя интерес к гостю. — Искали что-то. А что у нас есть? Все на виду.

Евгений равнодушно оглядел комнату — стены, потолок, притолоку над дверью. Вряд ли, подумал, кому-нибудь пришла в голову идея поставить здесь «глазок». Ну «прослушку» — это еще куда ни шло, «клопа» под выключатель и — дело с концом. На всякий случай, для контроля, мало ли кто и с чем может явиться к вдове! Вот вроде него, Евгения, к примеру. Значит, и откровенный разговор с Ниной здесь полностью исключается. Ну что ж, тогда надо завершать ви-

зит.

— Нина Васильевна, — сказал он, — я понимаю, конечно, что ничем в вашем горе, к сожалению, помочь не могу. Просто думал, что вам что-нибудь известно о причинах такой непонятной смерти Вадима. Увы! Поэтому примите мои самые глубокие соболезнования. Я вам оставлю свой телефон, будет трудно — звоните, чем смогу, постараюсь помочь. Поеду. Попить не дадите?

— Сейчас принесу, — окончательно потухшим голосом сказала она и поднялась.

— Зачем же, пойдемте вместе. — Но в коридоре он притянул ее за плечи к себе и шепнул на ухо: — Проводите меня, буквально на минутку. Я не хочу говорить здесь.

Она резко отстранилась от него, сурово посмотрела и кивнула.

На кухне открыла холодильник, показала:

— Вот, возьмите, что хотите, Евгений Сергеевич. Есть минералка, ее много от поминок осталось. Сок есть, если хотите.

— Спасибо, сок пусть девочка пьет. У нее же сегодня праздник, да?

— Второй класс, — горько сказала Нина. — А он и не увидел...

— Ну что делать, что делать... — Он погладил ее по плечу и глазами указал на выход.

— Пейте и пойдемте, я вас провожу немного, да и в мага-

зин надо. Лиза! — крикнула она. — Ты уроки делаешь?

— Делаю, — послышалось из другой комнаты.

— Я выйду на минутку, молока тебе купить, а ты не отвлекайся, вернусь — буду проверять!

— А нам все равно ничего не задали!

Евгений молча рассмеялся и развел руками. Нина слабо улыбнулась и обреченно покачала головой. А потом ушла в комнату.

— Вы думаете, что нас подслушивают? — спросила она, закрыв дверь, уже на лестничной площадке.

— Не уверен, но лучше обезопаситься. Давайте пойдём медленно, а вы мне, пожалуйста, расскажите все, что вам известно. Повторяю, это просто необходимо, в первую очередь для вас. Я все объясню. У меня с Вадимом буквально накануне был один разговор. Можно сказать, секретный. Все я вам не расскажу, но кое-что. Поэтому не бойтесь меня... Как у вас, кстати, с деньгами?

— Да как? Плохо... Помогли вот, собрали на работе... Олег привез. Будем тянуть. Я-то не работала. А теперь остается ждать его пенсии. И работу искать.

— Пенсию-то дадим, никуда не денемся, — хмуро сказал Евгений. — Но и нервы помотаем... Такая у нас система, мать твою... извините. Ладно, это дело мы с вами поправим... Итак, что вам известно?

— Ах, да ничего практически! Что мне наговорили, то я и знаю. Вон, на дачу съездила, закрыть же теперь все надо.

Видно, продавать придется, самой не выдюжить... А Клавдия, соседка, и ошарашивает: у тебя, говорит, Нинка, полный горшок американских баксов отыскали! Ну надо же! И смех и грех! Ну откуда у нас какие-то доллары?! С каких это доходов?!

— Не волнуйтесь, разберемся. Это сейчас не главное. А Вадим в последние дни... ну, я имею в виду, в середине августа, вам ничего не говорил? Ни о каких своих неприятностях?

— Так мы ж с Лизонькой его почти и не видели. Он все здесь, в Москве, находился, а к нам — изредка. Привезет чего-нибудь вкусенького, переночует и — обратно. Опять ж командировки...

— Да, это все было. А у вас с ним никаких ссор? Знаете, случается, особенно под горячую руку!

— Да за что ж на него сердиться-то? Вот уставал он, это да. Заметно было.

— Уставал, значит... — пробормотал Евгений и невольно покачал головой, миг вспомнив раскинутые на банкетке ноги Татьяны. — Ну ладно, тогда вы, Нина, меня послушайте... — Он еще не решил, говорить ли про записку в черной папке или свести все к разговору. — Дело в том, что незадолго до... ну, в общем, моего отъезда в командировку... А Вадим, кстати, тоже должен был вылетать, только на Север, мы с ним об этом говорили. Говорили о жизни, обо всем. Он бодрился, но, как я теперь вижу, у него все-таки было

подавленное настроение. Почему? Хотел бы и я знать ответ на этот вопрос...

Они вышли во двор, потом на улицу. Евгений сказал, что проводит ее до магазина и обратно домой, но заходить не будет. Так надо. А затем продолжил свой рассказ:

— Словом, расставаясь, а встретиться мы должны были по идее только сегодня, он передал мне эту папочку и попросил... Вы ничего о ней не знаете? — Евгений посмотрел на Нину в упор.

Она вроде немного смутилась, но отвела глаза и, уже не глядя на него, пробормотала:

— Откуда?..

— Ну хорошо. — Женя понял: ей что-то известно, но она не сознается. И не надо, так проще. — Так вот, Нина Васильевна, дорогая моя, Вадим попросил меня сохранить у себя эту папку, поскольку к служебным делам она отношения не имеет, а он за нее боится. Почему — я понял только сегодня, когда вернулся домой и узнал, что Вадим так нелепо ушел из жизни. — Он не хотел говорить: застрелился или убили, чтоб лишний раз не травмировать Нину, да и сам теперь, честно говоря, ни в чем уже не был уверен. — Короче, достал я эту папочку. Он мне сам сказал: мол, если чего случится, мало ли, при нашей-то профессии, я могу ее вскрыть. Что мне и пришлось сделать. Не скрою, — вздохнул Евгений, — там была и короткая записка. Для меня. Похоже, он уже знал что-то о своей судьбе и не оправдывался, нет, а просто просил

меня сделать для него... ну, выполнить его последнюю волю, скажем так. Записку эту я вам читать не дам ни при каких обстоятельствах. Больше того, считайте, у нас с вами вообще никаких разговоров по поводу папки не было. Вы знаете специфику работы вашего мужа, нашей службы и понимаете, что любое лишнее слово может немедленно привести к трагическому исходу. Даже наших близких. Но чтобы исключить также и ваши сомнения по поводу сказанного, дам прочесть буквально две строчки. Вы узнаете почерк своего мужа и этого вам будет довольно. — Евгений достал из кармана записку Вадима, согнул текст так, чтобы были видны только две строчки: «Здесь, в свертке, пятьдесят тысяч. Это все, что я смогу сделать для своей семьи». Держа в руках, протянул Нине: — Читайте, его рука?

— Да-а... — помедлив, сказала она и испуганно посмотрела на Женю. — Но откуда это?

— Когда узнаю, может, скажу. Но скорее всего — узнаю, однако не скажу. Ясно?

— Ничего не ясно! Как же я могу это?..

— Молча, — сухо сказал Евгений. — Папка вам не нужна, а свертки я вам передам тогда, когда вы откроете дверь в свою квартиру. Он вам не для того, чтобы вы немедленно кинулись в разгул! Извините, — смутился он, увидев глаза Нины. — Я не то хотел сказать. Но вы поняли. Никто, ни одна живая душа об этом знать не должна. Вадька невольно и меня подставил. Но подставит еще больше и вас, и меня, и всех

своих знакомых, если я передам все это нашему руководству. Я думал об этом, говорю вам искренне. Но решил поступить так, как я поступаю. А здесь ваша дальнейшая жизнь. Не шикуйте, спрячьте подальше, берите понемногу, вы — женщина и мать, не мне вас учить. Можете сдавать свою дачу и говорить, что живете на эти деньги. Пенсию, в конце концов, дадут на ребенка, но это все — кошкины слезы. В общем, постарайтесь поступать разумно. Бойтесь у себя держать — можете рассчитывать на меня в этом вопросе. Возьмите на первое время, а потом позванивайте мне, когда потребуется. Не меняйте купюры в одном пункте... Ну давайте, чего вам надо купить?

— Подождите, я сейчас...

И она ушла в магазин. А он отошел в сторонку и закурил. Ее долго не было. Докурив, Евгений заглянул в магазин. Удивился: народу совсем не было. Чего ж она так долго? И вдруг он увидел Нину. Она, сжав виски ладонями, стояла у окна. А на сгибе локтя у нее висела пустая полиэтиленовая сумка.

Он подошел сзади.

— Вы забыли дома деньги?

Она резко обернулась. В покрасневших глазах ее стояли слезы.

— У меня уже сил нет... — прошептала она и припала лицом к его груди.

— Ну-ну, — заговорил он негромко, поглаживая ее по го-

лове. — Жизнь еще может быть очень долгой. И у вас дочка. А ей необходима прежде всего материнская забота... Давайте я пойду и разменяю вам какую-нибудь сумму?

— Пожалуйста, у меня голова совсем уже не варит...

Евгений видел неподалеку обменный пункт. И курс валюты вроде приличный — за двадцать восемь. Особо стесняться теперь тоже смысла не было. Поэтому он скинул одну резинку со свертка, ногтем разорвал сбоку газету и вытащил пять сотенных купюр.

Меняла — крутой парень с «голкой» на мощной шее — лишь изучающе взглянул на Женю, но документа не потребовал. Скучая, сунул купюры в свою машинку, проверил на подлинность и так же скучно отсчитал четырнадцать с чем-то тысяч. Евгений не стал пересчитывать. Нельзя себя ронять, меньше вопросов.

Минут через десять Нина заполнила самыми необходимыми продуктами не один, а три пластиковых пакета. Евгений послушно таскал их за нею, понимая, что испытывала вдова, заходя в магазин и помня, что собранные коллегами Вадима денежки скоро кончатся и больше ей рассчитывать не на кого. И не на что.

Он донес тяжеленные и рискующие порваться пакеты до самой двери. Но в квартиру больше не вошел.

— Отнесите сами на кухню. Все должно быть так, будто я давно ушел. И возвращайтесь с пустым пакетом.

И когда Нина Васильевна снова вышла на площадку, Ев-

гений открыл черную лапку, достал бумажный сверток, разорвал газету, а пачки денег просто вытряхнул в пакет, не прикасаясь к ним пальцами. Газету скомкал и сунул в папку, которую тут же закрыл на «молнию».

— Тут должно быть в каждой по десять тысяч. Без тех пятисот, что я вам разменял, — сказал Женя. — Я так понимаю, что вы все у себя оставите, да? Только место найдите безопасное.

— На антресолях целый короб со старыми, совсем детскими еще Лизиными игрушками... Мишки всякие старые, безлапые...

— Ненадолго можно. Но лучше все это барахло перевезти в Коломну.

— Хорошо, я так и сделаю... Евгений Сергеевич, может, вы все-таки хоть чашку чаю выпьете? Или рюмку за память, а?

— Я за рулем, Нина. Давайте в следующий раз. Кстати, сороковины не устраивайте. А если пристанут — в легкую. Пусть сами с собой и привозят, понятно? Я серьезно говорю.

— Понимаю, хоть и ужасно все это... грустно... Ну что ж, спасибо. Вы извините, Женя, можно я так? — Он сделал жест, что не видит причины для отказа. — Я-то ведь вас ждала. Нет, не вас конкретно, а кого-то, кто должен был прийти. Так Вадик писал.

— Вадим вам писал? — шепотом изумился Женя. — Так что ж вы?!

— Но откуда я знала, что вам можно верить?

— Логично, — развел руками Евгений. — И что же он вам писал, если не секрет?

— Может, все-таки зайдете? — с надеждой спросила она. Видно, не хотела отпускать. Что-то у нее еще было.

Но Женя не желал рисковать. Его появление здесь вообще было лишним. Не исключено, что делом Вадима уже занимается Служба собственной безопасности. Управление генерала Самойленко даром свой сухой хлеб не ест. А с другой стороны, кто знает, вдруг именно те люди, от которых Вадим получил свой гонорар, меньше всего заинтересованы в том, чтобы этот гонорар и в самом деле дошел по назначению. Ведь неспроста папочка полмесяца пролежала у него, Евгения, в письменном столе. Вадим же, надо думать, знал о чем-то!

— Давайте лучше здесь подойдем к окну, а дверь все же прикройте.

Нина протянула ему конверт. Обычный почтовый.

— Вот. Два дня назад пришло письмо. Из ящика внизу вынула. А когда вскрыла — просто обомлела. Это ж как с того света!..

Евгений достал примерно такой же лист бумаги, как записка из папки. И почерк, вернее, авторучка та же. И наклон спокойный, слова не рваные. Заранее написано, без нервов.

Первые строчки он быстро пробежал глазами. Человек уезжает далеко и винится перед женой и дочкой, что не успел

с ними попрощаться. Ни слова о том, что должно произойти. Непонятно. Он в самом деле не знал? Или уже догадывался, но не был уверен окончательно? Однако же на всякий случай готовился? Зачем же иначе папка с запиской? Скорее всего, догадывался. Значит, угрозы были, но и оставалось время для окончательного выбора? Так, что ли?

Ага, вот оно...

«Возможно, после того, что произойдет... — он и сам еще не уверен, но предупреждает, — к тебе придет один человек. С последним приветом от меня. Ты можешь ему верить. Только ему одному. Остальных слушай — и кивай. И все, никого ни о чем не расспрашивай. А он тебе, думаю, сам все скажет. Скажи ему, что я очень виноват перед ним. Он поймет, о чем речь. Точнее, о ком. У меня не хватило духу самому сказать ему. Это мое письмо можешь показать только ему. И уничтожь! Обязательно!

А если он не придет, Бог ему судья. И лучше, чтобы ты его тогда не знала...»

И снова прощание...

Евгений вернул Нине письмо и сказал:

— Обязательно выполните его просьбу.

— Вы что-нибудь поняли?

— Да... кое-что... — покивал он. — Запомнили мои слова? Вот и отлично. Конверт, если позволите, я возьму с со-

бой. С письмом вы знаете, что делать. А вот мои координаты.

Евгений оторвал от конверта кусочек оборотной части и написал два своих номера — домашний и мобильный. Протянул Нине.

— Спасибо, что показали его письмо, — сказал серьезно.

— Жаль, что мы не были знакомы раньше, — тихо сказала она и ушла к себе.

А Женя сошел к подъезду и сел в «Ниву». Проезжая через Измайловский парк, он остановился, выкинул в один из мусорных контейнеров черную папку со смятой газетой, а потом на огоньке зажигалки сжег и записку Вадима.

Пока она горела в руках, он прикурил от нее сигарету и сказал сам себе:

— Бог-то Бог, да сам не будь плох...

Подумал, не нагло ли, и успокоил себя: нет, в самый раз.

Глава четвертая

БЕСПЛАТНЫЙ СЫР

Своего жизненного благополучия Елена Георгиевна Воводина, предпочитавшая, чтобы ее звали Аленой, достигла, как она считала, исключительно благодаря собственным усилиям и талантам. Но если, рассуждая о первом, ни в каком случае нельзя было обойти также и определенных усилий и способностей дорогого отчима, то второе являлось несомненной прерогативой самой Алены. Нет, неправильно, не рассуждала она так, а была абсолютно в этом уверена. Ну конечно, в нужное время и в нужном месте отчим, разумеется, помог и хорошо поспособствовал, а вот дальнейшее... Даром, что ли, уже сызмальства отличалась Алена самостоятельным и авантюрным характером?..

Отчим, надо отдать ему должное, всю жизнь был очень большим человеком. Он и сейчас занимает немалый пост — начальник Управления безопасности медиахолдинга «Евразия», принадлежащего Владимиру Яковлевичу Аронову, владельцу крупнейших коммерческих банков, многочисленных средств массовой информации и нескольких нефтяных компаний на Севере и в Сибири. Есть и другие интересы, которые постоянно пересекаются с не менее настойчивыми интересами других «великих приватизаторов», как с сарказ-

мом, но и не без подхалимажа, именуют СМИ современных российских олигархов, лишь для проформы сохраняющих радушие при виде соперника, а вне поля зрения видеокамер готовых порвать друг другу глотки.

Да взять хоть того же Аркадия Семеновича Деревицкого. Есть же у него свое игровое поле! Чего он полез в ту же Вятку, на север Урала, на Таймыр?! Разве его это владения? Не его! Тем более что Аронов уж обозначил там свое присутствие. Ну что ж, как говорится, кто хочет войны, тот ее получит...

Но это, по убеждению Алены, «верхние» заботы. Они и ее, конечно, касаются, однако не в той степени, как отчима. Он занимается «чернухой», а Аленина роль — решение штучных проблем. Папуля, как она не без иронии иногда называет Федора Даниловича, мозг «охранки» Аронова, а Алена — высококлассный исполнитель. Что было ею уже не раз и с непременным успехом доказано на практике.

Вообще говоря, подумывала иногда Алена, если бы кому пришла в голову идея описать судьбу ее семейства, могла бы получиться не менее захватывающая история, чем истории с участием неувядающей Мата Хари. Но в новом качестве. В советском и постсоветском.

И начать пришлось бы издавека: с тех времен, когда служил Федор Данилович Попков в знаменитом 5-м Управлении КГБ. Сперва он отлавливал и страшил диссидентов, позже с пеной у рта защищал «конституционный строй», так это

называлось, а на самом деле воевал с инакомыслием. Где оно могло иметь место, это инакомыслие, ни для кого не являлось секретом — в среде творческой интеллигенции. Ну и еще среди религиозных деятелей и национальных экстремистов. Вот с этой отвратительной публикой и вел непримиримую — где тайную, а где и явную — войну всесильный уже по тем временам Федор Данилович.

Ему не повезло с первым браком. Обладая с юности характером властным и жестким, даже иной раз жестоким, он не сумел, да, если честно, и не захотел сохранить свою молодую семью. Жена однажды после жутчайшего скандала, вызванного открывшимися похождениями сластолюбивого муженька, не вняла высшему долгу супруги оперативного уполномоченного КГБ и, схватив в охапку маленького сына, навсегда оставила благополучный, в общем, дом легко продвигающегося по службе молодого, но очень способного чекиста.

Потеря не была горькой, тем более что связи прервались раз и навсегда — и никаких обязательств друг перед другом. К тому же почувствовать волю в двадцать семь лет — это, надо сказать, нечто! Главное, верно ею распорядиться — своей волей. Ну и Федор постарался. Чтоб было что вспомнить, когда придет она, пора воспоминаний.

Вторично он женился лишь через одиннадцать лет, будучи уже в генеральском чине. Солидный дядечка, каким его увидела в первый раз десятилетняя Аленка. Таким он ей, во

всяком случае, казался тогда — рослый, красивый, ему еще и сорока лет в ту пору не исполнилось, но проседь в изящно уложенной прическе делала его не то что взрослее, но явно солиднее. А мать Алены, Регина Павловна, служила там же, в секретариате управления, и «ходила» под Попковым. Вот и «доходила» однажды. Надоело им, видать, устраивать свои сексуальные скачки в служебном кабинете генерала, к домашнему очагу потянуло. Другими словами, продолжать то же самое, но уже без опаски и при отблесках домашнего очага.

Очаг этот надолго запомнила Алена. Генеральская добротная дача находилась в поселке Жуковка, что по Рублевскому шоссе. И очаг этот был выложен приезжими умельцами из слегка отесанного дикого камня, тоже привезенного издалека, с Кавказа, что ли. А перед очагом, иначе говоря, перед камином, валялась огромная шкура белого медведя. Вообще-то он был желтый, а назывался почему-то белым, и этого долго не могла понять быстро подраставшая Алена. Но это — особый рассказ, чем она ни с кем никогда не делилась. Это был ее мир, ее взлеты и падения.

Папуля, между прочим, вел себя по отношению к ней вполне достойно. Незаметно, но жестко помог определиться с «Морисом Торезом», так же ненавязчиво курировал ее там, организовал ей и, чтоб не слишком вызывающе выглядело, двум-трем ее ближайшим подругам толковые зарубежные стажировки. И наконец она с блеском закончила учебу,

пройдя к этому времени полный курс не только институтских, но и житейских наук, — а то как же, дочь генерала госбезопасности! Попробуй-ка останови ее белую «Волгу»! Или попробуй скажи, что, мол, девушка, гуляйте себе сколько угодно, но зачем же лить вино в бассейн с золотыми рыбками?.. Да, все было: и чудачества, и порой злые шутки, но с окончанием курса всевозможных, как было сказано, наук подошло время остепениться.

И тут папуля снова оказался на высоте. В подарок за окончание института дочка получила двухкомнатную квартиру в престижном доме на Филях. Этот район с розово-кирпичными высокими зданиями в народе с ходу прозвали «райским городком». Здесь жили ответственные работники ЦК КПСС, здесь было особое снабжение в не слишком сытые восьмидесятые годы. В начале «перестройки» прилавки вовсе не поражали изобилием. Алена, правда, не сильно страдала от отсутствия необходимых продуктов, этим отдельно занимался шофер генерала, угрюмый Вася. Но если требовалось что-то сверх, Алена спокойно заходила в магазин, через служебный вход, разумеется, и поднималась потом на свой девятый этаж с полными сумками, которые иной раз приходилось прятать от любопытных глаз соседей. Не у каждого же из них папа — генерал КГБ!

Своя квартира в хорошем районе, своя машина... Недоставало лишь своей же престижной работы. Но папуля постарался и здесь. Правда, его стараниям предшествовала целая

серия политических и житейских неурядиц в родной стране...

Алена надолго запомнила смутный 92-й год, когда, казалось, все находилось в подвешенном состоянии — и жизнь, и судьба, и самое элементарное благополучие. Опять же в силу своего положения Алена знала исходные процессы, позже названного путчем, была в курсе распределения основных сил и многого иного, определявшего составные части данного явления. Она видела неподдельную оторопь на лицах папули и его подчиненных. Особенно когда новоявленные демократы истово требовали немедленно открыть досье на всех стукачей и тайных сотрудников Лубянки. Не позора тогда испугалась Алена: в чем вопрос, если большая часть населения так или иначе вынуждена была сотрудничать с органами? Конечно, не о каких-то неудобствах там или стыде перед подругами могла идти речь — эти подруги, как, впрочем, и сама Алена, давно уже дали, куда следовало, свои подписки. И у каждой имелся куратор, предпочитавший называть свою секретную сотрудницу не по имени, а по кличке. Имела кличку стараниями своего папули и Алена. Почему-то капитану, который иногда с ней встречался, больше нравилось называть ее Дублером. А Федор Данилович, не скрываясь, с самого начала называл ее Сумасбродкой. Что лучше — неизвестно, но Сумасбродка Алене нравилась больше.

Так зачем ей было выставлять себя напоказ? Чекисты сообразили вовремя. И пока полупьяная толпа казаков и «де-

мократов» пыталась, правда не очень ловко и даже не настойчиво, штурмовать здание на Лубянке — тогда еще не площади Дзержинского, — папулины ребята сумели грамотно избавиться от своего досье. И — понеслось...

Реформы, перестройки, перетряски — все закончилось тем, что управление упразднили и принялись расследовать дело Попкова. Ну как же! Фигура! Однако досужие «расследователи» не учитывали одного, но главного постулата: профессиональным делом должны заниматься профессионалы, и никто другой. И потому, куда бы ни катилось время, определяющее дальнейшую судьбу государства, нужда в истинных профессионалах, грамотно защищающих государственную безопасность, не могла пропасть, исчезнуть, раствориться в митинговых шествиях. Время Федора Даниловича отчасти вернулось, не в прежней, правда, а в новой ипостаси, когда потребовались его знания, умения, агентура, в конце концов. И был он сразу востребован теми новыми русскими, которые поняли в смутные еще дни, что власть надо брать сразу и надолго. Как те же большевики. «Ничто на земле не проходит бесследно», — поет знаменитый бард, и он прав. По самому большому счету.

Да, многое вернулось-таки на круги своя. Но прежде чем случился этот ожидаемый поворот, Федор Данилович успел пережить немало тягостных минут. И, даже запираясь в собственной даче на Рублевке, не мог ощущать себя, подобно англичанину, в своей крепости.

Мать в эти долгие дни охоты на гэкачепистов болела и находилась в Кунцевской «кремлевке». А дома, в смысле на даче, в каждой комнате работало по телевизору, и у каждого своя программа — это чтобы хозяин был в курсе любой информации, всех мнений и откровений, высказываемых кем ни попадя и в немереных количествах.

Горел камин, к нему также привыкли и почему-то уже не могли обходиться без живого огня в доме.

Папуля не то чтобы прихворнул, но чувствовал себя явно разбитым, никому не нужным, словно выброшенным из жизни, в которой у него за долгие годы не было не только свободного дня, но практически свободной минутки. Вот и настроение было скверным...

Алена глубоко сочувствовала Федору Даниловичу, несмотря на все неприятности, стремившемуся сохранять и внешнюю форму, и свои убеждения, и внутренний настрой.

Итак, пылал камин, Алена, пришедшая из домашнего бассейна с подогретой водой, в легком одеянии, напоминавшем древнегреческую тунику, абсолютно не стесняясь папули, нежилась на шкуре и с сочувственной улыбкой поглядывала на Федора Даниловича, развалившегося рядом, в большом кресле. Алена была чрезвычайно хороша в свои двадцать шесть. Блики огня играли на ее лоснящемся от загара теле. Этот восхитительный, ровный, почти шоколадный загар она обрела этим летом на теннисных кортах в Испании, куда добрый и щедрый папуля отправил ее отдохнуть.

Но особенно притягательной для глаз была ее немного расплетенная, толстая золотистая коса, которую она тщательно оберегала, плюя на всевозможные моды.

Папуля после обязательного ежедневного тренажера побывал в душе и теперь отдыхал в плавках и распахнутом на груди халате. Его грудь, руки, открытые до локтей, и сильные икры были покрыты вьющимся седеющим волосом, а крепостью и массивностью фигуры он напоминал Алене здоровенного медведя.

Мощный, стареющий зверюга и шоколадно-золотистая амазонка, находясь одни в доме, вели вялый разговор о будущем, каким оно представлялось уже опальному генералу. Он еще не терял надежды, хотя и радости, как сказано, не испытывал. Алена больше помалкивала, пытливно разглядывая папулю.

Он заворчался в кресле, заворчал как-то и вдруг медленно и лениво перебрался из него на шкуру, поближе к Алене. А дальше случилось то, к чему они, вероятно, оба двигались, может быть, больше интуитивно.

Его крупная ладонь, словно невзначай, легла на ее плечо, скользнула по изогнутой спине и остановилась на талии. И рядом почему-то оказалась и ее рука. Потом — нога... Алена и предположить не могла, что дальнейшее случится столь стремительно. Не контролируя уже себя, она как-то ловко извернулась и приняла на грудь этого мохнатого медведя...

Генерал абсолютно не соответствовал мнению о том ста-

ром коне, который, согласно старой поговорке, пашет неглубоко, хотя, может, и не портит известной борозды. Все оказалось как раз наоборот, Алена не только не стремилась вырваться из его свирепых объятий, но и сама долго его не отпускала, самозабвенно и настойчиво требуя продолжения.

Но больше всего ее удивляло и даже изумляло то обстоятельство, что она ни на миг не ощутила хоть какого-то раскаяния или сожаления по поводу происшедшего. Напротив, когда уже поздно вечером, за ужином, она выпила хорошего рейнского вина, то неожиданно для себя заметила:

— А ты продемонстрировал молодецкую удачу... Впечатлил. Я теперь понимаю Регину (она с детства называла свою мать только по имени), я догадываюсь, почему она с такой легкостью отказалась от моего бывшего папаши...

Своего отца Алена, в общем, и не помнила.

— Мы тогда были молоды и безумно — понимаешь? до ослепления! — тянулись друг к другу... — Федор Данилович говорил, не глядя на Алenu и словно оправдываясь за свою дневную вспышку. — Но я хочу, чтоб ты запомнила, Алена... Что бы ни произошло там, у нас, я тысячекратно гарантирую тебе полнейшую, абсолютную безопасность. И я отвечаю за свои слова.

— А я и прежде не сомневалась, — довольно ухмыльнулась Алена. — Ах, мой генерал! До чего ж она все-таки сука — эта наша с тобой жизнь!.. Но сейчас-то не переживай, всем нам бывает нужна такая вот мощная и острая разряд-

ка. Поэтому имей в виду: если случится что-то вдруг снова, — понимаешь? — я готова соответствовать... мой генерал. Кстати, мировая литература полна адекватных примеров.

— Ну, — как бы смутился вдруг Федор Данилович, — ты теории-то свои... не подводи под фундамент... Господи, и когда ж ты вырасти-то так успела! Так оформиться!..

— А ты уверен, — перевела разговор Алена на другие рельсы, — что тот твой майор (она имела в виду уже полковника ФСБ, с прошлых времен оставшегося для нее майором) не захочет вернуться за подснежниками?

Он понял, о чем она.

— Не-а, не вернется. Ты теперь будешь работать, если Бог даст, только со мной. Без посторонних контакторов. А этот? Для него найдется другая работенка.

— Значит, ты меня не отпускаешь, папуля? — с легкой иронией спросила она.

— Запомни, Аленка (он старательно избегал постоянного прежде обращения «дочка»), твоя личная безопасность исключительно в моих руках. А вы с Региной для меня — все. Но если ты будешь настаивать...

— Пока нет, мой любимый генерал... — Вот так шутливо и закончила она совместный ужин.

...Все несколько позже, как обещал Федор Данилович, устаканилось. После соответствующих передрыг, безосновательных обвинений и расставаний до лучших времен на-

шласть и ему суперответственная служба, где он смог в полную силу применить собственные знания, опыт и никому не проданную им агентуру.

А Алена стала личным референтом президента одного из крупнейших тогда коммерческих банков.

Иногда Федор Данилович обращался к Алене, зная ее превосходное умение быстро и тесно сходитьсь с необходимыми его делу людьми, завораживать их и качать ту информацию, которая нужна была в данный момент отставному генерал-полковнику — в таком чине покинул Попков казавшийся ему незыблемым Комитет государственной безопасности.

Вот и нынче после телефонного звонка прилетевшего из Сибири Жени Осетрова почему-то почти сразу последовал звонок и от Федора Даниловича. Старик очень хотел увидеть сегодня свою Аленку. Да и Регина соскучилась, давно не виделись, ждет к ужину.

Алена почувствовала, что это лишь предлог. Генералу требуется очередная информация. Она даже примерно догадывалась какая, и сделала вид, что обрадовалась приглашению. В самом деле, они уже порядком не виделись с матерью, в отношении которой у Алены — просто на удивление! — ни разу не возникало осознания вины или каких-то угрызений совести. Будто были они не родные мать и дочь, а добрые подруги и в некотором роде даже соперницы.

Она сказала, что обязательно приедет к ним на Профсоюзную, где, подобно филевскому, имелся и свой «райский

городок», в котором проживали отставной генерал с супругой.

Они действительно не виделись больше двух недель. Алена на несколько дней летала с шефом в Париж, а когда вернулась, ее ошарашило известие о самоубийстве Вадима Рогожина. Девчонки ничего не знали и, естественно, надеялись узнать что-нибудь от Алены с ее связями. Но папуля был занят, а короткий телефонный разговор с ним практически ничего не открыл. Хотя он несколько уклончиво пообещал «провентилировать».

Вести какие-то беседы в присутствии матери Алена не собиралась. Но едва та зачем-то вышла на кухню, вопросительно уставилась на Федора Даниловича. Тот с улыбкой оглянулся на дверь и сказал:

— Организуй мне «утечку».

Алена нахмурилась:

— А ты представляешь, чем это мне грозит? Мой шеф с Деревницким дружки-приятели. Они же мгновенно вычислят! Надо ж соображать... папуля! — зло закончила Алена.

— Я, пожалуй, не совсем хорошо выразился, — примирительным тоном заговорил Попков. — Не объяснил. Слушай, о чем, собственно, речь. Нам известно, что ваш Деревницкий активно рвется к президенту, чтобы оправдаться: мол, не так его поняли и прочее. А нынешний администратор, к сожалению, уже не всемогущ, сил не хватает сдерживающих,

ясно? И тогда не исключена патовая ситуация, а это будет самое скверное. Как у того дурака, что ухватил медведя за огузок: и не удержать, и тем более не отпустить. А мне позарез нужна серьезная компра на Деревницкого. По Северам мы его накрыли, необходима Сибирь. Но не от тебя, естественно. К тому же банковская информация может оказаться слишком прозрачной, явной, легко узнаваемой, понимаешь? И это действительно опасно для тебя. Они не идиоты и сразу вычислят. А мне надо бы, чтоб из нашего бывшего ведомства. Я имею в виду твоего Осетрова. Как он, подогрет уже, а? — шутливо закончил Федор Данилович. — Надеюсь, ты не теряла времени зря?

— Так кто же все-таки убрал Рогожина? — упрямо, как и в прошлом разговоре, гнула свое Алена.

— Но я же сказал тебе! — сердитым шепотом, наклонившись к ней через стол, быстро произнес Федор Данилович. — Я дал задание выяснить... Не люблю безосновательных утверждений, но могу предположить, что именно ты ближе к ответу на этот вопрос, нежели я.

— То есть ты хочешь сказать...

— А разве я что-то сказал? — неожиданно улыбнулся он. — И тем не менее вести разговоры на эту тему категорически не советую... Так как там насчет Осетрова? Он, я знаю, сегодня воротился из Сибири, и впечатления у него свежие. Ты только качни его, а уж мы этот «Норд» сраный в таком виде выставим, чертям тошно станет. И ты — ни при

чем. А?

Алена неопределенно пожала плечами, вроде и не отрицая такой возможности, но еще и не соглашаясь.

— А насчет Рогожина твоего?.. Ей-богу, не я! И тем более жаль, ведь нам от него была польза.

— Да... была. Не боишься божиться-то? Не накажет?

— Перестань! Ну а ты как? — вдруг заинтересованно спросил папуля, сменив тему. — Как там Париж?

— А чего ему? — хмыкнула Алена. — Стоит на своем месте. Шеф доверяет. Хотя полного доверия он, по-моему, не испытывает ни к кому. Я не лезу без спроса, он это, похоже, ценит. Еще что спросишь?

— Ну зачем ты? — сделал вид, что слегка обиделся, Федор Данилович. — Я просто так, по-отцовски.

И понял, что совершил ошибку, потому что Алена, словно ждала чего-то подобного, с ходу подхватила:

— Ах вон оно что! Ясно с тобой, дорогой родитель! Слушай, а ведь ты, мне говорили, ба-альшим ходоком был... по нашей части?

— Кто говорил? — хмуро спросил Федор Данилович.

— А ты что же, за каждого своего бывшего сотрудника башкой ручаешься?

— Да нет... — как-то рассеянно после паузы отозвался Попков. — Неинтересный разговор. Ненужный, Аленка.

— Ладно, оставим, — покорно согласилась она. — Ну хорошо, а Женьке чем это грозит?

— Так ты по уму сделай. Его информация... Можешь оперировать этим фактом... Полученная не из первых рук, а уже из его ведомства, у меня может появиться такая возможность, будет стоить ровно вдвое меньше. Понимаешь?

— Тогда зачем рисковать?

— Ситуация, Аленка. Каждая минутка больших денег стоит. Ну как на том же мобильнике: ты говорила, потом замолчала, стала думать, а денежка-то кап-кап...

— Ну и сколько эта пауза может «накапать»?

— От важности информации. Думаю, где-то в пределах возможного. Пару десятков.

— А как же Вадим?

— Ты опять о Рогожине? — холодно спросил Федор Данилович. — Он — совсем другой коленкор. У меня по его поводу были мысли... Да, кстати, насколько мне стало известно, никакой денежки-то у него не обнаружили. Так что-то, по мелочи. И тут вопрос: не они ли причина? Мы работаем в этом направлении... А этот Женя твой, он должен перспективу увидеть. Желательно это, понимаешь? Дальше — больше.

— А ты уверен, что он пойдет на сотрудничество?

— Это с тобой-то? — По губам отставного генерала скользнула ироническая усмешка. — Ну ладно, оставим пока, мать идет...

Конец ужина прошел в спокойной и доброжелательной обстановке. Так раньше писали в газетах о всякого рода поли-

тических переговорах. А когда все закончилось, Регина Павловна, глядя на темное окно, стала уговаривать дочь остаться переночевать у них, не ехать по ночной Москве на другой ее конец. Но Алена скользнула взглядом по индифферентному папуле и отказалась, сославшись на то, что ей еще предстоит сегодня кое-что успеть.

Федор Данилович отправился провожать ее во двор, к припаркованной там новенькой «тойоте», сменившей наконец легендарную белую «Волгу», которой, казалось, износу не будет. Но на закрытой стоянке возле банка, где референтом управляющего и работала Алена, то бишь Елена Георгиевна Воеводина, классная переводчица, умещающая держать язык за зубами, этот раритет смотрелся чужеродным телом.

— У меня тут еще одна мыслишка появилась, — задумчиво сказал отставной генерал, когда они остановились возле Алениной «тойоты», и она «вякнула», включив фары, раскосые, как у молоденькой японочки.

— В смысле? — Алена слегка насторожилась. Не все идеи отчима были ей по душе. — О ком? Или о чем?

— Да все по поводу Рогожина... Понимаешь, Аленка, свои, я имею в виду генерала Самойленко, ну из Управления собственной безопасности, не могли выйти на него. В самоубийство я не верю. Значит, в деле принимали участие про-фи. В УСБ есть свои ликвидаторы, это ни для кого не секрет. И в мое время были, и до меня. Такая служба. Но их я все-таки готов исключить. И, значит, что же? Его могли вы-

числить люди Деревницкого. Тот — хитрая bestия. И умная. Знает, откуда что растет.

— У нас даже близко ничего похожего и случайно не мелькало. В разговорах с шефом.

— И правильно! Что ж они, дураки, красивой бабе свои ходы раскрывать?

— Вот как ты обо мне? — засмеялась Алена.

— А что, разве не правда? Да-а... Так о чем я? А вот и думаю, что было бы очень неплохо, если бы, к примеру, нашлись люди, которые взялись бы за расследование этого якобы самоубийства.

— А разве?..

— Вот именно. Его руководство, насколько я понял, почему-то не заинтересовано в истине. Их вполне устраивает версия, лежащая на поверхности. Вот так-то, дорогая моя. Ну хорошо, поговорили. Ты поезжай. Из дома перезвони, что все в порядке, чтоб мы с матерью не волновались, ладно? Ну а по поводу того, о чем я сейчас тебе сказал, позвоню. Может, завтра уже. Есть мысль. Но я ее пока не до конца обдумал. Спокойной ночи.

Он бережно, прямо-таки по-отцовски поцеловал ее в щеку и, легонько шлепнув по ягодице, вразвалку, но шагом крепким и устойчивым, отправился к подъезду. От двери еще раз махнул рукой и скрылся.

Недоумение — это слово, пожалуй, мало отражало то, какое чувство испытывала Алена, возвращаясь домой.

Мобильник ее был постоянно включен, но Женя за весь прошедший день так и не позвонил. Чем он занят? Ну, наверняка приходит в себя от неожиданного известия. Однако мог бы уже и прорезаться...

Он, вероятно, успел пройти по начальству, но вряд ли узнал что-то новое, то, чего не знал бы папуля. Алена иной раз искренне завидовала поразительной информированности Федора Даниловича. Понимая при этом, что не одна она помогает ему в меру собственных возможностей, а иногда и сверх меры держать руку на пульсе разгорающейся битвы гигантов. Так, между прочим, ничтоже сумняшеся, называл свои конфликты с олигархом Ароновым Аркадий Семенович Деревицкий, хозяин, помимо прочего, и медиахолдинга «Россия-3», имея на то буквально все основания. И это видела Алена, находясь рядом с ним и выполняя его не всегда деликатные задания и просьбы...

И еще одна мысль ну никак не хотела покидать ее чудную головку. Сегодняшний разговор с папулей лишний раз убедил ее, что для него его дело гораздо важнее всех тех, про кого он говорит, что любит. Все, даже самые близкие, для него — инструменты разной сложности, которыми он привык пользоваться. А при необходимости, вероятнее всего, пожертвует. Пусть даже сам этот факт будет для него тяжелым и огорчительным. Да вот и она тоже выполняет заманчивую роль пахучего сыра в мышеловке. Который никогда не бывает там бесплатным. Вечная и трагическая ошиб-

ка всех любителей остренького блюда...

Глава пятая

КОНЧИК НИТОЧКИ

Чтобы спокойно отоспаться, Евгений отключил свой мобильник и выдернул телефонный шнур из розетки. Он пока не хотел больше ни с кем разговаривать, поскольку требовалось обдумать уже то, что имелось. А имелось в принципе немало. И не только того, что дал сегодняшний день.

Завалившись не раздеваясь на тахту в собственной комнате, он включил ночник и принялся вспоминать прошедшие события, шаг за шагом. К великому неудовольствию матери, которая терпеть не могла этой его привычки — валяться в одежде. Лег, так уж и спи себе. А то позже, где-нибудь посреди ночи, начнутся хождения из комнаты на кухню — кофе заварить, сигаретой подымить — и обратно. Однако мать побурчала и успокоилась — была довольна, что хоть сегодня дома сын, а не усвистал куда-нибудь либо по делам, либо еще за чем-то. И его ночных убеганий она тоже не одобряла. Правильно, что семья не получается! А кто ж такое выдержит-то?

Словом, побурчала и ушла к себе. А Женя стал вычислять. И в первую очередь — когда они в последний раз виделись с Рогожиным. Почему-то поначалу казалось, что это было в субботу. У них же на службе практически суббот в

качестве выходного дня не бывает. Теперь же по всему выходило, что в пятницу. Потому что в субботу он с Вадимом не общался, а в воскресенье, вспомнив о его давнем приглашении, махнул вместе с Аленой в Коломну. Пока нашли, пока то да се, день и прошел. А в понедельник с раннего утра он уже находился в Домодедове. Вот так получалось.

Но ведь и Вадим, кажется, говорил, что отправляется в Вятку тоже в понедельник. Значит, два дня — субботу и воскресенье — он находился в Москве. Так утверждает Нина. А застрелился он в понедельник. Или его убили. Это показала, по ее же словам, судебно-медицинская экспертиза.

Вообще говоря, надо будет поинтересоваться, что еще имеется в этом акте. Может, какие-то неожиданные кончики обнаружатся.

Однако получается, Вадим знал, что с ним что-то должно случиться и даже готовился к этому — на то указывают черная папка и конверт от письма в Коломну, точнее, в поселок Сергиевский, отправленного, судя по штампу, в ту же пятницу. Ну что шло оно чуть ли не десять дней, тут ничего странного нет, почта работает из рук вон плохо — всем известно. Непонятно другое: что ж он, выходит, еще с утра его отправил, что ли? Расстались, помнится, они уже поздно — никакая почта так долго не работает. А если бы даже и на самой почте кинул конверт, все равно стоял бы штамп следующего дня, то есть субботы. Значит, утром...

И весь день, уже простившись фактически с семьей, он

был спокоен и уравновешен? Ну, хмурился, это было. Может, и от усталости. Нет, что-то здесь не то...

И Женя снова возвращался к началу, думал, передумывал, пока... не заснул. Незаметно для самого себя. Все-таки усталость от долгого перелета, суматошного дня и всяческих неприятностей дала себя знать.

А с утра думать времени уже не осталось. Наскоро позавтракав, кинулся к генералу.

Михаил Свиридович Васнецов был сух и деловит, как и положено генералу. И до тех пор, пока не ознакомился детально с результатами командировки своего зама, то есть Евгения Сергеевича, ни на какие посторонние дела и звонки не отвлекался. Но он, видно было, имел к Осетрову вопросы, потому что во время доклада нет-нет да посматривал как-то непривычно на Осетрова и взгляд его был и вопросительным, и хмурым.

Но заговорил он, вопреки предположениям Евгения, не о самоубийстве коллеги из соседнего управления, а снова о предмете командировки.

— Война компроматов... — недовольным голосом процедил он. — Ты заметил, они уже вообще перестали брезгать любимыми неприличиями и занимаются исключительно перетягиванием одеяла?

Генерал имел в виду олигархов Деревицкого и Аронова, которые действительно вели — но не в Центре, здесь они ослепительно улыбались друг другу, а в регионах — смер-

тельную войну друг с другом. И методы ведения боевых действий были самыми разными — от щедрых ведер помоев, которые выливали подвластные каждому из них средства массовой информации на головы противника, до элементарных бандитских разборок с трупами с обеих сторон, до отстрела строптивых директоров и управляющих крупнейших предприятий. По поводу последних с некоторых пор постоянно приводилась в действие циничная, но оттого не менее жизненная, формулировка одного из олигархов: проще купить директора, нежели огромное предприятие. С теми же директорами, которые были не согласны с данной точкой зрения, предпочитали уже не церемониться. Впрочем, и тут способы борьбы были весьма разнообразными.

Ну вот, к примеру, совсем недавняя ситуация на одном из южносибирских металлургических комбинатов, где неожиданно пересеклись интересы Аронова и Деревницкого. Вполне, кстати, поучительная история, как заметил генерал Васнецов.

Во главе комбината стоял опытный хозяйственник, и он мешал Деревницкому. Об этом было хорошо известно довольно широкому кругу лиц. Убрать такую фигуру — себе может оказаться дороже. И тогда Деревницкий — и это всем известно, однако не доказано, — используя свои связи в правительстве и аппарате президента, сделал ход конем — на предприятие явились налоговики с проверкой хозяйственной деятельности. Была произведена выемка документации,

начались бесконечные допросы руководителей. В результате через короткое время вполне благополучное производство было поставлено на грань банкротства. Начались волнения среди рабочих, из Москвы тотчас же явилась гуманитарная помощь, налетели советчики, странные собрания акционеров следовали одно за другим. И тут выяснилось, что уже загодя нашлись покупатели доведенного до банкротства предприятия, а весь город, желая теперь лишь одного — хоть какой-то определенности, готов был ринуться в объятия никому не известных фигур, за которыми отчетливо просматривался наш хитрый олигарх.

Идейка и исполнение были неплохими, однако и Аронов вовремя успел подсуетиться: увел жирный кусок прямо изо рта у Деревницкого. Даже некоторые его сторонники в правительстве тогда посчитали, что уж больно нагло проводится «приватизация», тут ведь как: раз уступишь, а потом придется всю оставшуюся жизнь на лекарства работать. Разбой, одним словом.

Знал, конечно, об этом громком деле Евгений Осетров, да и кто в их департаменте, которому и пришлось разгребать эту вонючую кучу, не знал о нем! А сегодня примерно та же история разворачивалась на Севере и снова в той же Сибири, разве что подальше, ближе к Байкалу. Нет, не унимаются гиганты. Каждый считает себя сильным и продолжает тянуть государственное одеяло исключительно в свою сторону. Но владельцем-то вышеозначенного одеяла являет-

ся ни много ни мало сам президент. Вот и стремятся господа перетащить хозяина каждый на свою сторону. А налоговая полиция с ее широчайшими возможностями, региональные и местные управления Федеральной службы безопасности, внутренних дел и прочих силовых и правоохранительных структур, официально заявляя о своем, так сказать, нейтралитете в «деликатных» разборках олигархов, на самом деле четко держат носы по ветру, блюдя прежде всего свой собственный интерес. Страшная штука — коррупция, насквозь пронизала она государственную систему. И теперь приходится за это расплачиваться — всем, кроме самих коррупционеров. Печальный вывод. Который также ни для кого не являлся тайной.

— Как там генерал Николаев? — неожиданно спросил Васнецов.

Он назвал начальника УФСБ той области, куда летал Осетров. А с Николаевым, было известно, Васнецов еще в Дипломатической академии учился, до перехода в КГБ. Естественно, и Евгений знал об этом, даже личный привет от своего шефа передавал — парочку бутылок хорошего армянского коньяка. Но теперь вопрос был задан таким тоном, что надо было отвечать правду, не темнить и не жалеть старых приятельских чувств обоих генералов.

— Имеются документальные свидетельства, что в последний приезд Деревицкого в город генерал лично сопровождал его и дважды обедал и ужинал в «посольском домике». Есть

там у них такой. Типа бывшей обкомовской дачи для приезжающего генсека.

— Ах ты, старый конь... — огорченно пробурчал Васнецов. — К великому сожалению, — после короткой паузы продолжил он, — в деле «Норда», — похлопал он ладонью по пухлой папке, полной документов, привезенных Осетровым из Сибири, — слишком явно проглядывается активное участие наших коллег из Управления, возглавляемого Николаевым. Причем в негативном плане. Я вынужден согласиться с твоими выводами, Евгений Сергеевич, и по этому поводу буду иметь беседу с генералом Самойленко... Ах, как нехорошо...

Сильно переживал генерал за своего старинного друга, откровенно, что уж теперь скрывать-то, продавшегося господину Деревецкому.

— Кстати, — генерал снял очки и потер двумя кулаками покрасневшие глаза, — не успел поинтересоваться, что там произошло с твоим коллегой из отдела Кравченко?

— Поинтересовался, Михаил Свиридович. Очень противоречиво. Хотя вроде бы нет сомнений в самоубийстве. Пока.

— А чего ж сомневаешься, если нет сомнений?

— Так ведь я же понимаю, что управление генерала Самойленко не станет из чистого любопытства заниматься абсолютно ясным делом. А раз занимаются, значит... Все ж таки служба собственной безопасности...

— Правильно мыслишь. Я немного в курсе, но насколько мне известно, все дело там в акте судебно-медицинской экспертизы. Я попрошу Юрия Ивановича дать указание, чтоб тебя ознакомили с заключением судебного медика. Подумай, может, у тебя что появится в этой связи. И попутно, тоже к размышлению... Тут в последнее время зафиксированы — одна за другой — ряд утечек из дел оперативных разработок, доступ к которым имел очень узкий круг лиц. В том числе из отдела полковника Кравченко. Неприятные утечки. А озвучены они в средствах массовой информации, находящихся под контролем известного нам с тобой господина Аронова. Тебе там, конечно, некогда было читать газеты, но одна информация была просто из ряда вон. Она касалась напрямую нашего президента, его возможных прошлых связей с Деревицким. Понимаешь, какая реакция была наверху? Сразу колесо завертелось!

— Но ведь подобные слухи не так уж сложно опровергнуть. Если по-умному.

— А где же ты много умных-то найдешь? — усмехнулся генерал. — Нам же всегда было проще сперва голову отрубить, а уж потом думать, ту или нет. Но Деревицкий в результате крупно залетел. Одно дело — тактично намекать о том, что вроде было, а вроде и не было, а другое — такую мощную оплеуху схлопотать с самой вершины! Это ж, по сути, лишиться доверия.

— И все-таки, наверное, ему это не очень грозит? А вот

господину Аронову, опубликовавшему компромат, вероятно, надо ждать неприятностей на свою шею. Ответных. Любопытно, откуда на этот раз произойдет утечка?

— Думайте, аналитики, думайте, — вздохнул Васнецов. — У Аронова, как, впрочем, и у Деревницкого, есть и свои достаточно мощные службы безопасности, в которых работают далеко не самые худшие бывшие наши ребята. Но то, что и мы их подкармливаем, это факт. У них имеется горячий интерес, у них огромные деньги, а что у нас, кроме остатков совести? Понял, к чему я? — Генерал требовательно взглянул на Осетрова.

— Так точно.

— Действуй, Евгений Сергеевич.

«Кончик ниточки», — думал Женя. Ну где-то ж он должен торчать. Не может такого быть, чтоб никакого следа. Но, к своему великому сожалению, тем материалом, что уже имел, он никак не мог располагать. Уж не на это ли намекал генерал, остро глядя ему в глаза? Не знал, нет, но, может, догадывался?..

УСБ генерала Самойленко если и размотает это дело с Вадимовым самоубийством, то в любом случае оставит его исключительно для внутреннего пользования, не станет обнародовать и тем самым порочить честь ведомственного мундира. На нем и без того вполне достаточно красноречивых пятен. Новое — хоть и неприятно — вряд ли что добавит.

И тем не менее...

Но теперь выстраивалась уже более четкая цепочка. И в ней такие весомые звенья, как самоубийство Вадима, огромный гонорар, уверенность Вадима в том, что с ним обязательно приключится беда, соответственно — папка и письмо жене, утечка из отдела Кравченко, грандиозный скандал, вызванный этой утечкой. Если события выстроить последовательно и правильно, становятся понятны причины и следствия. И уже не так важно, по какому поводу ты сел на крючок, что было приманкой — деньги или женщины или и то и другое вместе, главное — тебя зацепили. И ты выдал закрытую информацию. Тот, кому ты ее, будем говорить честно, продал, вряд ли захочет убрать столь ценного информатора. Значит, в этом заинтересован другой, тот, кому ты насолил. И если у этого другого есть свои информаторы в том же ведомстве (что ни в коем случае не исключено), то ему не составит очень большого труда вычислить конкретного виновника утечки. И принять свои меры. Чтоб другим неповадно было. Или в том случае, если информатор отказался сменить хозяина.

У данной логической цепи имелся только один существенный недостаток: из нее требовалось категорически исключить два важных фактора — пятьдесят тысяч баксов и покаянное письмо Вадима. Потому что, отчасти проясняя причину, оба они указывали на тяжелые и непредвиденные последствия от дальнейшего развития событий. И какими бы

движениями души потом ни оправдывал Евгений свой поступок, его просто никто не пожелает понять. Ну да, корпоративная честь! Это — с одной стороны. А с другой?

С другой — бывшие коллеги, уютно расположившиеся в частных уже спецслужбах, как их ни называй, которые искренне не испытывают по этому поводу никаких угрызений совести. Для них работа есть работа. Они тебе нужную информацию и со дна достанут, они и самого информатора на дно опустят. Профессия. Они за нее деньги получают, и весьма неплохие. Видимо, за то, чтобы «угрызениям» как можно меньше поддаваться...

Такие вот печальные мысли мелькали в Жениной голове, когда он ехал в судебно-медицинский морг на Госпитальную площадь, в Лефортово. Там с ним готов был поговорить сам Сигизмунд Тоевич Вербицкий, патологоанатом, производивший вскрытие трупа Рогожина. В силу разного рода обстоятельств Евгению уже приходилось встречаться с этим выдающимся деятелем из особого медицинского племени. Как и знаменитый в свое время Борис Львович Градус, Вербицкий был грубым матерщинником и предельно душевным и тактичным человеком. Вот и попробуй соединить столь полярные качества в одном лице. У Вербицкого получалось. Но не грубым, нет, скорее грубоватым, он бывал лишь с теми, кого знал и уважал. А вот от вежливости судмедэксперта многим становилось не по себе. Женя рассчитывал на грубость. И Сигизмунд Тоевич не подвел.

— Ах, это вы! — воскликнул пожилой и лысый мужчина в круглых очках и коротким движением руки ловко нахлобучил на свой череп зеленовато-серую шапочку, которая сразу придала ему вид профессора. — Так проходите, — указал он на стул. — Будете спрашивать или сразу падать в обморок?

В вопросе было столько скепсиса, что Женя рассмеялся. Юмор в этой обители скорбнейшей из наук должен был свидетельствовать о профессионализме.

— Как вы однажды сказали, Сигизмунд Тоевич, сперва давайте займемся неотложным, а все остальное оставим на потом, когда придет время достать вон из того сейфа необходимое для поддержания здоровья лекарство.

— Ха! Он помнит! — почти обрадовался Вербицкий. — Разве это я вам говорил? А что, вполне может быть... Да, я помню, когда я был совсем молодым идиотом, вот как вы, меня предупредили вовремя. «Сигизмунд, — сказали мне, — зачем ты торопишься и переживаешь, если твой клиент уже больше никуда не уйдет? И тоже сам не торопится...» Главное, чтоб сказать вовремя и — на всю жизнь. Ну что же, тогда я выну свои соображения и мы их обсудим... Сейф, говорите... — бормотал он себе под нос, доставая из металлического ящика пухлую тетрадь, а заодно и медицинскую склянку с жидкостью, напоминавшей по цвету и чистоте благородный топаз. — Это потом, — продолжил он, ставя склянку на угол стола между сейфом и зарешеченным окном. Он сел напротив Евгения, раскрыл тетрадь, исписанную

мелким, убористым почерком, и наконец остановился. — Вот. Вы хорошо знали Рогожина?

— Ну, не так чтобы... Впрочем, достаточно. Работали вместе.

— Он выпивал?

— Разумеется.

— Много?

— Не могу сказать. Думаю, в пределах. Жена, дочь маленькая... Полагаю, они к нему на этот счет претензий не предъявляли.

— Наркотики употреблял?

— Определенно, нет, — покачал головой Женя. — Во всяком случае, я не видел.

— А когда вы его вообще видели в последний раз?

— В пятницу вечером. В конце дня. Довольно поздно. Нашли его, как мне сказали, во вторник. Во второй половине дня... Да, если это может иметь отношение, у Вадима было какое-то подавленное, что ли, настроение, и мы с ним взяли по сто пятьдесят. Потом я уехал домой, а он пошел к метро.

— Это все?

Евгений пожал плечами.

— Тогда я вам скажу... Осмотр и вскрытие, как вам известно, производил я. Зачем я вас спрашиваю про наркотики? У тех, кто ими пользуется регулярно, я имею в виду тяжелые — амфетамин, героин и так далее, вот здесь, на вене, — Вербицкий задрал рукав халата и показал на свой

сгиб локтя, — образуются характерные склерозированные дорожки. Понимаете? Так вот, у нашего клиента они отсутствовали. Однако я насчитал шесть следов от уколов шприцем.

— Вы думаете, что он вколол себе сумасшедшую какую-нибудь дозу, а потом застрелился?

— Я ничего не думаю. Я рассказываю, а выводы будете делать вы. Или те, кому это положено. Но я скажу: вы не так далеки от истины. Не торопитесь... На обеих руках, в области предплечья, покойный имел характерные прижизненные кровоподтеки в виде борозды, а это указывает на то, что он длительное время мог быть связан... Далее еще такой факт. В квартире покойного, по утверждению его э-э... вдовы, была жуткая атмосфера. То есть? Жара, духота, смрад, наглухо задернутые шторы. Это она запомнила, когда вошла. И это было с точностью занесено в протокол осмотра помещения. Вот, собственно, эти три факта и позволяют мне сделать вывод. Скажем так, пофантазировать. А вывод уже сделаете вы, потому что он потребует еще ряда свидетельств, которые надо добыть.

— Но ведь труп уже... кремирован. Какие же еще факты, Сигизмунд Тоевич? И где их взять?

— Я скажу. А вы слушайте. Богатая практика показывает, что если нормальному человеку, не имевшему прежде дел с наркотиками, вы введете в течение определенного, скажем, времени, к примеру, за двое суток, несколько больших доз

того же амфетамина или какого-то другого сильнодействующего наркотика, у него наступает так называемый передозняк. Но после него клиент впадает в постинтоксикационное состояние, или отходняк, понятно говорю?

— Пока да, — чуть улыбнулся Евгений.

— И в результате у нашего наркомана в кавычках может наступить депрессивно-параноидный синдром. Что это такое? Он начинает испытывать безумный страх. У него появляется невероятная подозрительность. Он боится затаившейся повсюду опасности. Другими словами, любой нечаянный свидетель немедленно зафиксирует его неадекватное поведение. Я говорю о тех, кто знает этого человека. Его преследуют неотвязные галлюцинации — резидуальный бред. И в этом состоянии человек-жертва вполне может явиться к себе домой, закрыть наглухо все ставни и шторы, обложиться подушками и пустить себе пулю в висок, спасаясь от вполне реальных для него преследователей. Но я повторяю: этот акт необходимо очень грамотно подготовить, чтобы не было никакого риска.

— Распланировать и подготовить? — Евгений задумался. — И кто бы, по-вашему, смог такое проделать? Подготовить кто мог бы?

— Профи, молодой человек, — почти фыркнул от негодования Вербицкий. — Неужели не понятны такие простые вещи? И чем вы у себя занимаетесь, мать вашу?.. Nate вам совет: ищите вокруг его дома. Наверняка найдутся старые

пердуны, которые постоянно торчат на скамейках. Может, видели, кто его привел. Или вообще чужих, потому что все это могли проделать и в его квартире...

— Вы говорите так убежденно, будто сами все видели.

— Так возьмите и поживите с мое! — Вербицкий отвернулся и поднял свою склянку. Посмотрел на просвет, улыбнулся: — А? Какой благородный золотистый оттенок? Отчего, знаете?

— Разумеется, нет.

— Ну и не хрена знать. Хотя... можете угадать, когда дам попробовать.

— Спасибо, уважили, господин профессор, — Евгений склонил голову в почтительном поклоне. — Я ведь и сам тоже думал что-то в этом плане.

— Вот именно — что-то!

— Нет, во всяком случае, ниточку вы мне дали.

— Нахал! — хмыкнул Вербицкий. — Нет, вы посмотрите! Я этому бурлаку вручил толстенную веревку, а он? Ниточка! Правильно мне говорили: «Сигизмунд, не вноси в дело преждевременную ясность! Ничего не будешь с этого иметь, кроме сплошной черной неблагодарности!»

— Ну как вы можете? — изобразил обиду Евгений.

— Только не надо! Я всегда знаю, что говорю. Но им — слышите? — им было бы выгоднее самоубийство! Это хоть понимаете?..

... — Куда ж ты пропал? — удивилась Алена, когда он, покинув морг с легким и приятным кайфом от снадобья Вербицкого, сел в машину и набрал наудачу ее домашний номер телефона. — Я все время ждала твоего звонка! А ты — словно сквозь землю провалился!

Евгений даже немного растерялся от подобного напора.

— Занят был, сама понимаешь... Потом еще эти события. Ну с Вадимом. Начальство, то, другое... Замотался слегка.

— Ну так давай разматывайся наконец. Можешь, кстати, сегодня и навестить. У меня вечер свободный. Или у тебя уже иные планы?

С интересной интонацией был задан вопрос: будто о чем-то знала. А в конце концов, доложила ей Татьяна или постеснялась, какое дело! Ни подписки, ни расписки он никому не давал. Алена же сама иной раз будто подзадоривала — по Танькиному адресу. И теперь не просто поинтересовалась планами, а добавила многозначительное «уже». Вряд ли спроста.

— Вечер, говоришь? — тянул Евгений, раздумывая. Нет, он просто вид для себя делал такой занятой. Да, конечно, решил же, что обязательно приедет. У самого многовато вопросов накопилось. Пусть-ка ответит... — Ну что ж, если не поломаю каких-то твоих важных планов, я, пожалуй, готов соответствовать.

— Нахал! — засмеялась она.

Это ж надо! Второй раз за полчаса! А может, в нем дей-

ствительно что-то есть этакое?

— Вечер — как надо понимать? С какого часа?

— Да хоть бы и прямо сейчас, — томным голосом произнесла она.

— Ясно. Хороший обед, плавно переходящий в легкий ужин при свечах, а затем, так же непосредственно, в ранний завтрак... Угадал?

— Ах, и за что я обожаю нахалов!..

Дальше короткие гудки. Для Алены вопрос был исчерпан. А вот у Евгения еще имелись кое-какие проблемы. И первая из них — встретиться и попытаться вызвать на откровенность Олега Машкова, который так нарочито изобразил из себя шибко занятого и необщительного человека. Хотя, как помнится из случайного рассказа Вадима, именно Олег и привел того в свое время в компанию этих роскошных женщин. Это он хвастался, что вхож во все значные московские заведения. Олег же, кстати, и производил обыск на даче в Сергиевском, обнаружив злосчастные баксы в горшке из-под цветов. Об этом, тоже с его слов, говорила и Нина Васильевна. Странно получается. Но в любом случае просто необходимо поговорить и с ним, и, если получится, с его начальником, полковником Караваевым. Интересно же знать, что они собираются предпринять помимо всяких утешительных слов и обещаний по поводу семьи своего погибшего товарища...

Пока совершенно понятно только одно: любые самоубийства немедленно засекречиваются, не выносятся на обсуж-

дение общественности. Это — дело собственного, внутреннего расследования. Чем, естественно, и занимается УСБ генерала Самойленко.

Но ведь одно дело, когда майор ФСБ самолично пускает себе пулю в голову по каким-то своим, психологическим причинам, и совсем другое — если его принуждает к этому шагу некто.

И Осетров отправился в Управление по контрразведывательному обеспечению кредитно-финансовой сферы, в его оперативный отдел.

Полковника на месте не оказалось, он находился у руководства, и никто не мог сказать, когда появится в собственном кабинете. А вот Олег Машков — этот был на месте и, увидев Осетрова, изобразил на лице недовольство. Впрочем, Евгению было наплевать, что о нем думает этот майор, прижать которого к стене ему ничего не стоило. Обострять без нужды не хотелось. Тем более что нельзя было исключить и дальнейшей совместной работы с Машковым. Видимо, ему и будут переданы дела Вадима. Если уже не переданы. И начинать с противостояния было бы неправильно.

— Не уделите минут десять — пятнадцать, Олег Николаевич? У меня есть некоторые соображения по делу Рогожина. Но — ради Бога — я не веду никакого частного расследования. Просто владею некоторой информацией, которой, вероятно, придется поделиться с ведомством Самойленко. Хотел бы посоветоваться. Не возражаете?

Тот индифферентно повел плечами, изобразил на лице сомнение, но поднялся и предложил выйти в коридор, в угол на лестничной площадке, где стояла урна для курильщиков.

— Ну и что у вас есть, что нам неизвестно? — спросил Олег с явным вызовом, закуривая свою сигарету и не предлагая закурить гостю.

— Да не знаю даже, насколько это может быть важным... Мы же с ним виделись в пятницу. Разговаривали. Он меня в гости приглашал, на дачу к себе. Ну я и побывал там. В воскресенье. С одной своей приятельницей. Очень жалел, что не удалось повидаться. А уже во вторник, как мне стало известно теперь, вы его нашли. В квартире.

— Так это... вы были?! — искренне изумился Машков. — А мы думали... Нет, погодите, не получается. Бабка сказала: были в понедельник.

— Клавдия Михайловна ошиблась. Вот я и хотел бы, чтоб не думали. Если потребуется, могу даже подъехать к соседке Рогожина, она наверняка запомнила меня, еще и молоком угощала. Смешная тетка, болтливая... Но вы же там ничего, кажется, не нашли?

Евгений не захотел пока выдавать Нину Васильевну, сказавшую ему про доллары в горшке. Да и открывать собственную информированность...

— Практически ничего, — не моргнув глазом, соврал Машков.

— Действительно, а что у него вообще могло быть... —

не вопрос, не утверждение, а так, вроде размышления, изобразил Евгений. Достал собственные сигареты, зажигалку, закурил тоже. — Я сейчас вспоминаю: в ту пятницу его определенно что-то очень тревожило, но он был скрытным человеком и старался не выдавать своей озабоченности. Вы не знаете, что бы его могло так сильно тревожить?

— А мы с ним вообще тогда не виделись. Он же больше в вашем управлении времени проводил. Это, вероятно, в связи с ДЕРЕВИЦКИМ, да?

Вопрос прозвучал как бы между прочим и не требовал определенного ответа: да — нет. Евгений счел за лучшее неопределенно пожать плечами. Не должен был по идее Машков задавать такого вопроса. Другое дело, если ему уже переданы для дальнейшей разработки материалы Рогожина.

— Вы, Олег Николаевич, будете продолжать дело Вадима Арсентьевича?

— Пока неизвестно. Указания не имею.

— Ну вот тогда и вернемся к вашему вопросу, — холодно сказал Осетров.

Поняв свою ошибку, Машков смутился слегка, и только опытный глаз смог бы это заметить. Женя заметил. Снова спросил:

— А вы в курсе заключения судмедэкспертизы?

— Естественно.

— Ничего не заметили странного?

— А что там может быть непонятного? Суицид в чистом

виде.

— Да? Интересно. Ну ладно, значит, не знаете...

— Простите, я не понял, — будто бы забеспокоился Машков, — у вас разве имеются сомнения? Или я что-нибудь не так понял?

— Нет, если у вас нет никаких сомнений, так что ж тогда мы будем обсуждать эту тему? Верно? А вот если появятся — другое дело. Но я хотел спросить у вас вот о чем. У Вадима определенно была женщина. Он пару раз упоминал о ней, но не называл. Очень красивая, эффектная. Не знаете? — Евгений дождался отрицательного покачивания головой и продолжил: — А он говорил, что это именно вы его с ней познакомили.

— Я-а-а?! — Машков изобразил такое изумление, что Осетров едва не поверил.

— Ну да, — ответил спокойно. — В «Метелице», что ли? Это на Новом Арбате? Потом еще интересовались, мол, как дела и прочее. Не помните?

— Честное слово, не помню!.. Женщина? «Метелица», говорите? Вообще-то я там бывал однажды, правда, уже и не помню когда. А может, и Вадим тоже там был? Вот и встретились. Чисто случайно.

— Бывает, а чего? — поддержал очередное вранье Евгений. — Вполне возможно. Так вы, значит, не помните? Вот бы разыскать... Хоть спросить, может, она знает. Подскажет.

— Не знаю, не знаю... — пробормотал Машков, изобра-

жая глубокое размышление. — Черт его знает... Но если вспомню, я вам обязательно скажу... Женщина? Удивительно!

— Что удивительно?

— Ну... Вадим и какая-то женщина. Да еще эффектная, как вы говорите. Я-то был просто уверен, что он ни на кого, кроме своей Нины Васильевны, и не глядит. Она, по-моему, тоже в этом абсолютно уверена. Ну, в смысле, что не глядел. Смотрите-ка, открытие!

Он теперь явно старался заболтать главную мысль, уйти от нее, сведя все к изумившей его информации. Прав был старик Вербицкий, светлая голова, когда поправил Осетрова. Уходя, Женя заметил, что теперь в сущности дело за малым: отыскать правду. На это Сигизмунд Тоевич нравоучительно и немедленно отреагировал в свойственной ему иронической манере: «Не путайте два понятия, молодой человек. Недаром же народ говорит, что у каждого своя правда. Что это обозначает? А то, что вы можете по ошибке отыскать любую правду и остановить свое внимание, к сожалению, как раз на той, которая вам будет в принципе удобна. Но это же чистая хреновина? А что вам надо? А, вам нужна не правда, а истина? Которая бывает одна. Независимо от политики, экономики и прочего дерьма. Вон, и у большевиков была своя «Правда» — и с большой буквы, и в кавычках! И что? При чем здесь истина? Ой, не морочьте мне голову!»

Вот и теперь Евгений отчетливо наблюдал, как старатель-

но уходил от одной правды к другой, к своей, Олег Николаевич Машков, потому что наверняка почувствовал в той, другой, правде опасность для себя. Иначе чего бы он так вилял? Но и та, другая, тоже не была по сути правдой. То есть по справедливости правдой-то она, возможно, и была, но уж истиной не являлась точно!

Осетров совсем запутался в своих умопостроениях и махнул рукой, снова вызвав удивленный взгляд у Машкова. Но объяснять не стал. Да и потом, он же действительно не собирался производить собственное расследование. Кстати, кто ж ему позволит? Это не его дело. И он, поняв, что от Олега больше ничего не получит, кинул свой окурок в урну, поставив тем самым точку в разговоре.

— Ладно, у меня сегодня еще дел навалом. Извините, что оторвал и вас от работы. Да, кстати, чуть не забыл. Те доллары, что вы обнаружили в цветочном горшке, они не криминальные. Мне Вадим как-то сознался, что стал помаленьку откладывать заначку на черный день. Ну и переводил по мелочи в валюту. При нашей с вами, Олег, бурной жизни никогда не знаешь точно, с чем уже завтра оставишь свою семью. Вы доложите об этом своему начальству. Да и потом, насколько я слышал, нашему брату за те сведения, которыми мы располагаем, подобные гонорары не платят. Это же кошкины слезы, верно? Ну, поеду. А вы у себя решайте, кто войдет в нашу бригаду вместо Рогожина. Против вас я бы не возражал. Вадим довольно тепло о вас отзывался. Привет.

Евгений пошел вниз по лестнице, физически ощущая на своей спине сверлящий взгляд Олега Машкова. Ничего, теперь было в самый раз. Пусть-ка майор немного умоется.

Но по осторожной реакции Машкова Евгению показалось, что Олег знает гораздо больше, чем говорит. И знает, в частности, такое, о чем и говорить-то не желает. А это указывает на то обстоятельство, что не веревка все-таки, нет, но ниточка уж точно появляется. Найти бы только того, кто согласился бы пройти вдоль нее, держась за тоненький кончик. Но не дергал резко, иначе очень просто оборвать.

И он вдруг задумался о своей странной роли в этой истории. Будто кто-то старательно втягивал его в непонятную ему разборку. Причем одна жертва уже есть — Вадим. Кто следующий? И он решил не торопить события. Невежливо обманывать даму, но... дела-с!..

Глава шестая

НОВЫЙ ПОВОРОТ ТЕМЫ

Адвокат Юрий Петрович Гордеев сидел в своем закутке, который лишь при большой фантазии можно было назвать рабочим кабинетом. Плотная штора — вместо двери — была задернута. Впрочем, некоторая убогость внутреннего убранства юридической консультации № 10, которой заведовал сам Генрих Афанасьевич Розанов, фигура весьма видная среди российской, а тем более московской адвокатской братии, с успехом компенсировалась качеством предоставляемых клиентуре услуг. «Адвокатская контора», как без особого пиетета называл место своей работы Гордеев, была хорошо известна в столице. Сюда привычно обращались за юридической помощью не только законопослушные россияне, уязвленные до глубины души этим самым законом, но и разнообразная криминальная братва, имеющая жгучий интерес натянуть нос закону. И надо сказать, что розановская, закаленная в судейских боях гвардия не подводила ни тех, ни других, руководствуясь при этом мудростью все того же Розанова: «Наш клиент всегда прав, нам же остается только доказать это».

Сам Юрий Петрович, в не таком уж далеком прошлом следователь, «важняк» Генпрокуратуры, где он трудил-

ся под непосредственным руководством небезызвестного Александра Борисовича Турецкого, покинул так и не ставшие для него родными стены Следственного управления, что в Благовещенском переулке, бывало, тяготился своей новой ролью защитника иного «обиженного государством», у которого на лбу четко обозначались номера статей Уголовного кодекса, с коими клиент был категорически не согласен. И адвокат никак не должен был разочаровывать своего клиента...

Наверное, потому, что в Юрии Петровиче все-таки глубоко еще сидел следователь, от которого он, уже теперь защитник, никак не мог или не хотел избавиться, он нередко занимался несвойственной адвокату деятельностью — собиранием доказательств, что является прерогативой именно следователя или прокурора. И по этой причине попадал во всякого рода неприятные ситуации. Но, с другой стороны, собранные им самим доказательства позволяли ему иной раз добиваться прекращения уголовного дела и освобождения подзащитного из-под стражи на стадии предварительного расследования уголовного дела. Вот и думай, что тут лучше: склонить суд, а иногда и присяжных, на свою сторону блистательной защитительной речью а-ля там Плевако, Кони или Александровский либо развалить дело к чертовой матери еще до судебного заседания? Второе звонкой славой «адвоката Божьей милостью» тебе, разумеется, не принесет, но уж определенная известность в не менее определенных кругах будет обес-

печена. Парадокс? А куда деваться?..

Надо заметить, что подобные мысли уже не раз приходили Гордееву в голову и в данный момент ничего нового собой не представляли, но важен был повод, который в очередной раз вызвал эти мысли. А повод казался любопытным.

Едва он появился нынче утром на своем рабочем месте, раздался настойчивый телефонный звонок его мобильного. Звонить мог кто-то из знакомых, потому что чужим он этот номер не называл. Ну разве что в исключительных случаях, когда дела бывали действительно чрезвычайно серьезными и связь могла потребоваться в любой час дня или ночи.

Звонок был, прямо сказать, не совсем кстати. В коридоре на жестких стульях с прямыми спинками уже ожидали несколько посетителей, посмотревших на него вопросительно, — явно к нему. И по внешнему виду посетителей Юрий Петрович мог бы, пожалуй, с высоким процентом достоверности угадать существо приведших их сюда спозаранку дел.

Накрашенная женщина с левого края явно желает оттяпать у своего супруга при разводе не только квартиру, но и машину, а здесь хочет узнать, как этот вопрос решить в свою пользу. У следующих за ней двоих пожилых — мужчины и женщины — наверняка что-нибудь с наследством — дарить при жизни или завещать после смерти. Независимая девица с вызывающе длинными ногами определенно желает вчинить иск своему, вероятно, уже бывшему шефу... Господи, как это все знакомо! На что жизнь-то уходит, а, Юрий Пет-

рович?

Вот, задумался о смысле жизни. А те, в коридоре, — ничего страшного, подождут. Убийствами там пока не пахнет, а если где и тянет уголовщиной, то на бытовом уровне — от неустройства нашей дерьмовой жизни и оттого не менее дерьмового характера...

И тут — звонок мобильного.

— Слушаю, привет, — привычно отозвался Гордеев, ведь явно кто-то из своих.

— Здравствуйте, дорогой Юрий Петрович, — томно проворковал женский голос. — Заранее прошу прощения, что мне пришлось воспользоваться именно этим видом связи.

Голос был завлекающий. Его владелица вряд ли выглядит гримзой. Или это просто преступление природы. Нет, такими голосами с низкими, вибрирующими обертонами обладают обязательно крепкотелые и волоокие красавицы, вроде молодых оперных прим. Еще изящные и стройные, но уже тело чувствуется, или добрая фактура, как выражаются артисты. Ишь ты, куда красивый голос увести-то может!

— А разве мы с вами, мадам, не знакомы? — удивился Юрий Петрович.

— Если мой голос напомнил вам что-то приятное, я очень рада, дорогой Юрий Петрович. Не исключаю, что мы могли где-то и при каких-то обстоятельствах и пересечься, но вряд ли судьба дала нам тогда возможность познакомиться достаточно близко...

«Во, блин, как излагает! Каков подходец!..»

— Хорошо сказано, — одобрил Гордеев. — Но ваш восхитительный голос, уверяю вас, не впервые звучит призывно в моих грубых и немзыкальных ушах. Чему обязан?

В ответ раздался бархатный, берущий за душу смех незнакомки.

— И вы готовы вот так, с ходу, мчаться на помощь, даже не видя перед собой объекта вашего внимания? Не выяснив предварительно существа дела?

«Нас настойчиво интригуют, — сказал себе Юрий. — Нам старательно напяливают гандон на уши... Нас загодя покупают, ибо имеется неотложная нужда. Мы можем поторговаться, но мы уже не откажемся от встречи с прекрасной незнакомкой. Дурнушка не стала бы интриговать...»

— Я вижу отсюда — вы уже поняли, госпожа моего слуха, что мед ваших уст растопил ледяной панцирь моего самомнения, и я весь без остатка к вашим услугам, — с восточной витиеватостью, на одном дыхании произнес Гордеев и замер в ожидании реакции.

Снова «малиновый» смех.

— Боже, какой изыск? Нет, я больше не могу, я просто обязана немедленно увидеть этого медоточивого *advocare!* Скажите же, я могу рассчитывать?..

Юрий Петрович не дал ей закончить фразу, он понял, что мадам не из простых, и в латыни не чужие-с, и настойчивости не отнимешь, да и смысл вопроса понятен.

— Увы, нет!

— Я ослышалась?! — После короткой паузы это прозвучало сильно.

— Объясняю с болью в сердце. Вон там, за занавеской, на конторских стульях сидят четверо клиентов, трое из которых — женщины: молодая, средних лет и пожилая. И каждая из них, не говоря о пожилом мужчине, с сиротской надеждой глядят мне в душу: помоги! Ну что я могу сделать в этой ситуации? Бросить мой мир?

— Я все поняла, можете не стараться, не продолжать, вы уже тронули и мою душу! Но ответьте! Если я не ослышалась, — интонация стала сугубо бытовой, — у вас еще четверо клиентов, так? А я не могла бы стать сегодня пятой — и последней?

— Очень интересный вопрос. Можно подумать?

— Сколько угодно. Но и у меня встречная просьба. Скажите сидящим на стуле перед вашей дверью, что я заняла бы за ними очередь. На пятый конторский стул.

— Естественно! — воскликнул Юрий Петрович, которому эта игра уже начала нравиться. — Но вы абсолютно уверены, что я вас сразу узнаю? А зовут вас, позвольте, как?

— Какой жуткий нахал! Узнаете!..

И только когда раздались короткие гудки, Гордеев вспомнил, что за болтовней так и не удосужился спросить, откуда у дамы оказался номер его мобильного. Он тут же нажал на определитель абонента, но дисплей ничего не высветил. Вот

те на! Номерочек-то под охраной! Ай-я-яй, кто к нам торопится?..

До середины дня Гордеев разбирался с посетителями, всякий раз поднимаясь из-за стола и выглядывая в коридор. Но ожидаемой клиентки все не было. Розыгрыш, что ли? Да нет, не похоже...

Вопросы, с которыми к нему обращались, были им угаданы верно. Особых трудностей и хитроумных юридических ходов все они не предусматривали. Сущность сводилась просто к грамотной и подробной консультации, за которую клиент платит в кассу конторы в буквальном смысле копейки. Но это была та обыкновенная, рутинная работа, без которой не существует ни одна юридическая консультация в государстве. А Юрий Петрович привык к своим обязанностям относиться добросовестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.